

Театръ

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.

Рукописи, достанл. безъ обознач. гонорара, считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

и

Искусство

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., въ полг. 4 р.

Отд. МѢ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. пет.

1900 г. IV годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 29 Октября.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ мочаловскимъ днямъ. — За-
мѣтка. — О творчествѣ Мочалова, *И. А. Кучелъ*. —
Музыкальныя замѣтки. *Б. Соловьева*. — Хроника те-
атра и искусства. — Письмо въ редакцію. — Гастроли
Зоннентали. *Ник. Петрова*. — Письмо изъ Кіева.
Н. Николаева. — «Все въ прошломъ». *А. Ермакова*. —
Смерть актера Задонскаго. (Окончаніе). *О. Ди-
мова*. — За границей. — Провинціальная лѣтопись. —
Алфавитный списокъ разрѣш. пьесъ. — Почтовый
ящикъ. — Объявленія.

№ 44.

Рисунки: «Рабыни веселья» (рис. *Любимова*),
могила Мочалова, «м-те Корали» (рис. *А. Люби-
мова*), «Каролина Нейберъ».

Портреты: *П. С. Мочалова*, г. Сапельникова,
Н. А. Лухмановой, *В. Н. Пшесецкой* и г-жи Тере-
ховой.

Приложеніе. «Преддверіе», сцены въ 1 актѣ
П. М. Ярцева.

Ноты: «Мы молчали». Романсъ *Н. М. Кнорозов-
скаго*.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1900 годъ.

Полгода (съ 1 іюля) 4 руб., годъ — 6 руб.

Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе №№.

С.-Петербургъ, 29 Октября.

Черезъ нѣсколько дней начнутся празднества въ честь *П. С. Мочалова*, столѣтіе со дня рожденія котораго исполняется 3 ноября. За нынѣшній годъ это уже второй большой праздникъ русскаго театра. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ чествовали перваго по времени русскаго актера—*Ө. Г. Волкова*. Теперь чествуютъ перваго по таланту (такъ по крайней мѣрѣ принято думать). Невольно напрашивается сравненіе между ними. Первый былъ человѣкомъ усидчиваго труда, человѣкомъ терпѣнія и настойчивости. Нравственный обликъ его столь же чистъ, сколь плодотворна его дѣятельность. Это былъ геній созидающій; геній организаціи; символъ, если можно выразиться, мертвой воды искусства. Второй олицетворяетъ пламя искусства, его порывъ, возвышенную красоту. Это—живая вода,—душа искусства. Волковъ всю свою жизнь, изо-дня въ день, работалъ, и плоды этой работы ощущаются и понынѣ: хилое деревцо, посаженное имъ на плохо-воспримчивой ярославской почвѣ, разрослось въ большой лѣсъ. Если онъ кое-что и не додѣлалъ, то только потому, что историческія задачи превышаютъ силы одного человѣка. Мочаловъ же просто металъ искры вдохновенія, которыя такъ же быстро гасли, какъ и загорались.

Мочаловъ принесть на русскую сцену простоту, жизненность и естественность. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ оставилъ русской сценѣ и другое наслѣдіе—пресловутое «нутро», отъ котораго позаимствованъ былъ не геній, ибо геній нельзя заимствовать, но распушенность, дезорганизація строя, безсистемность, непорядокъ. Какъ всегда, заимствуются недостатки генія, общіе многимъ людямъ, а не достоинства, составляющія индивидуальное богатство исключительно одаренной натуры.

Плоды этой дезорганизаціи передъ нами. Только въ послѣднее время русскій театръ понемногу приходитъ къ сознанію, что сила учрежденія въ его порядкѣ, согласіи, системѣ. Quod licet Jovi, non licet bovi, по латинской поговоркѣ. И во всякомъ случаѣ, дѣло нуждается не въ вспышкахъ, а въ твердыхъ началахъ устройства и порядка. «Завѣтъ Мочалова»—большое недоразумѣніе. Въ цѣломъ рядѣ статей мы надѣемся выяснитъ загадку творчества Мочалова; но «завѣтами» нельзя считать гениальную натуру. Завѣтомъ можно считать нравственные принципы, приемы, преподаваемые школой, и т. п. Талантъ же не есть завѣтъ, ибо талантъ нельзя завѣщать, ни передать какимъ либо путемъ по наслѣдству. Талантъ неотчуждимъ и незаразительнъ. Передаются же только внѣшнія формы таланта, его манера, его отношеніе къ жизни и къ искусству.

Въ этомъ смыслѣ «завѣты Мочалова» да почиютъ въ прошломъ. Почтимъ въ Мочаловѣ его геній—славное свидѣтельство могучей, какъ жизнь, неистребимой, силы вдохновенія, присущей русскому дарованію. Почтимъ въ Мочаловѣ безсознательную загадку творчества,—то неисповѣдимое, что поднимаетъ высоко надъ жизнью искусство, какъ бы

совершенно отдѣляя его отъ земли, Поклонимся солнцу. Это—потребность души. Но жить будемъ такъ, какъ предписываютъ земныя дѣла и условія. А здѣсь на первомъ планѣ: трудъ, порядокъ, дисциплина.

Обращаемъ вниманіе на печатаемое ниже письмо изъ Кіева г. Николаева: оно ярко живописуетъ сказку про бѣлаго бычка, которая разыгрывается въ кievской думѣ по вопросу о сдачѣ городского театра. Но, оказывается, и этимъ дѣломъ не кончилось. На другой день послѣ думскаго засѣданія, выяснилось, что «отказъ г. Бородея можетъ быть взятъ обратно», равно какъ можетъ быть «взято обратно» рѣшеніе думы. Въ Кіевѣ все какъ-то «неокончательно». Сначала напутать, а потомъ сказать «pardon»; или сначала сказать «pardon», а потомъ напутать—зависитъ отъ манеры. На 26-ое октября назначено экстренное засѣданіе думы для окончательнаго (sic) рѣшенія вопроса».

По поводу этихъ блужданій кievской думы, достойныхъ настоящихъ пошехонцевъ, позволительно, перефразируя слова Гамлета: «Ты не умѣешь играть на флейтѣ, а думаешь играть на моей душѣ» — спросить у думы: «ты не умѣешь разрѣшить вопроса о привѣсникѣ за храненіе верхняго платья, а думаешь вѣдать репертуаромъ и экзаменоватъ артистовъ?»

Огвѣтъ на этотъ вопросъ предоставляемъ читателямъ.

О творествѣ Мочалова.

I.

Въ „Portraits“ Теофила Готье, въ статьѣ, посвященной некогда знаменитой, актрисѣ Марсь, мы встрѣчаемъ слѣдующій отрывокъ:

„Быть можетъ, въ отдаленномъ будущемъ, когда критика, усовершенствовавшись вмѣстѣ съ общимъ техническимъ прогрессомъ, будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи средства для стенографирования всѣхъ отгѣнковъ игры актера,—исчезнетъ ужасное чувство обиды за сценическій геній, безплодно расточаемый для отсутствующихъ и для потомства. Если порою, когда слышишь громъ аплодисментовъ, гулъ опыненной толпы, видишь вѣнки, цвѣты, всю роскошь богатства и все богатство роскоши, брошенные къ ногамъ актрисы за то, что она хорошо прочитала стихи поэта, въ сердцѣ закрадывается глухое и недоброе чувство зависти — пусть онъ вспомнитъ, счастливый поэтъ, о той мертвой тишинѣ, которая послѣдуетъ за этимъ шумомъ“.

Таковъ печальный удѣлъ актера. Самому высокому изъ искусствъ, которому дано воплощать жизнь во всей ея полнотѣ и слѣдовательно, открывать тайну красоты, —соотвѣтствуетъ самый краткій мигъ жизни. И когда потомъ стараешься, среди „мертвой тишины“, вызвать прекрасную тѣнь — какими усилиями сопровождается этотъ актъ матеріализаціи! Какъ больно чувствовать свою беспомощность! Блаженная минута не поддается повторенію. Досадуетъ на дѣйствительность, разрушившую сонъ, —но нельзя, по желанію, опять заснуть, чтобы снова начать свой сонъ, съ прерваннаго мѣста.

Исторія театра—самая несовершенная изъ всѣхъ исторій, потому что съ актеромъ умираетъ и его творчество. Даже репродукцій и копій, въ томъ гру-

бомъ смыслѣ, въ какомъ намъ ихъ даютъ литографіи и гравюры, —не остается отъ сценическаго творчества. Актеръ игралъ, и художественный геній умиралъ, вмѣстѣ съ изданнымъ звукомъ, нервнымъ движеніемъ лица, правдивымъ, какъ жизнь, жестомъ, вмѣстѣ съ неуловимымъ „настроеніемъ“, которое распространялось по зрительному залу, охватывало актера, сцену, самый воздухъ. Остается воспоминаніе. Но воспоминаніе не есть дѣйствительность. Это — уже другое, совершенно самостоятельное начало. Какъ ни жгучи бываютъ воспоминанія, по развѣ это то, чѣмъ была дѣйствительность? Въ воспоминаніяхъ душа воспоминающаго имѣетъ преобладающее значеніе. Дѣйствительность же отводитъ гораздо больше мѣста тому, что было, нежели тому, что воспринималось. Воспоминаніе — сплошь субъективно. Дѣйствительность—объективна, насколько, вообще, внѣшній міръ можно признать объективно-существующимъ.

Разумная критика покоится на исторической точкѣ зрѣнія. Въ письменахъ литературы, въ произведеніяхъ живописи, ваянія, архитектуры мы читаемъ исторію эпохъ, культуръ, общественныхъ теченій. Но какъ можно судить о томъ, что было и словно не было? о рыданіяхъ, которые стихли? о смѣхѣ, который замолкъ? о потухшемъ огнѣ? о растаявшемъ снѣгѣ?

Историческая точка зрѣнія часто возстановляетъ то, чему не было никакой цѣны; обезцѣниваетъ то, что высоко ставилось современниками. Но если примѣнить такую историческую точку зрѣнія къ актеру, —что, вообще, отъ него останется? Актеръ непонятный—не есть актеръ. Актеръ, стоявшій внѣ круга современниковъ, не передастъ въ потомство своей славы, ибо ея у него не будетъ. Минута, не давшая блаженства, не есть блаженная минута.

Такъ затруднена характеристика сценическаго художника, когда насъ отъ него отдѣляетъ „мертвая тишина“ могилы. Попробуемъ, однако, сдѣлать, что можно.

Когда читаешь біографіи Мочалова и отзывы объ немъ, то больше всего поражаешься крайностями оцѣнки его игры. Мочаловъ то былъ „неподражаемо хорошъ“, то „невыносимо дурень“; то онъ былъ „выше всякаго возможнаго представленія совершенства“ (Ап. Григорьевъ), то „Гамлетъ послѣ 3 представленія являлся нерѣдко обыкновенною посредственностью“ (Вѣлинскій). То „попалъ —такъ выйдетъ чудо“, то „не попалъ—такъ выйдетъ дрянъ“ (Шаховской), то „Талья въ слуги тебѣ не годится“ (отзывъ о комедіи „Пустомолы“), то Мочаловъ „совершенно не понималъ роли“ и „искалъ не воспроизведенія извѣстнаго поэтическаго образа, а только наиболѣе удобнаго случая показаться предъ публикой во всю ширь своей духовной безшабашности“ (Фетъ). То, по словамъ Вѣлинскаго, „у Мочалова исчезала во всемъ пошлость, слащавость, неестественность“, то по словамъ того же Вѣлинскаго, Мочаловъ „впадалъ не въ посредственность, а въ пошлость и тривіальность“. Такихъ крайнихъ противорѣчій можно набрать сколько угодно. Это—общее мѣсто, однимъ словомъ: „чудо что такое“ или „дрянь“, и никакой середины. „Мочаловскія минуты“, вдохновившія Вѣлинскаго написать рядъ блестящихъ страницъ, едва ли имѣющихъ себѣ равныхъ, по возбужденному чувству прекраснаго, въ театальной критикѣ; и рядомъ съ этими минутами, томящее ничтожество, хлопанье по бедрамъ, невыразительное чтеніе, непониманіе роли.

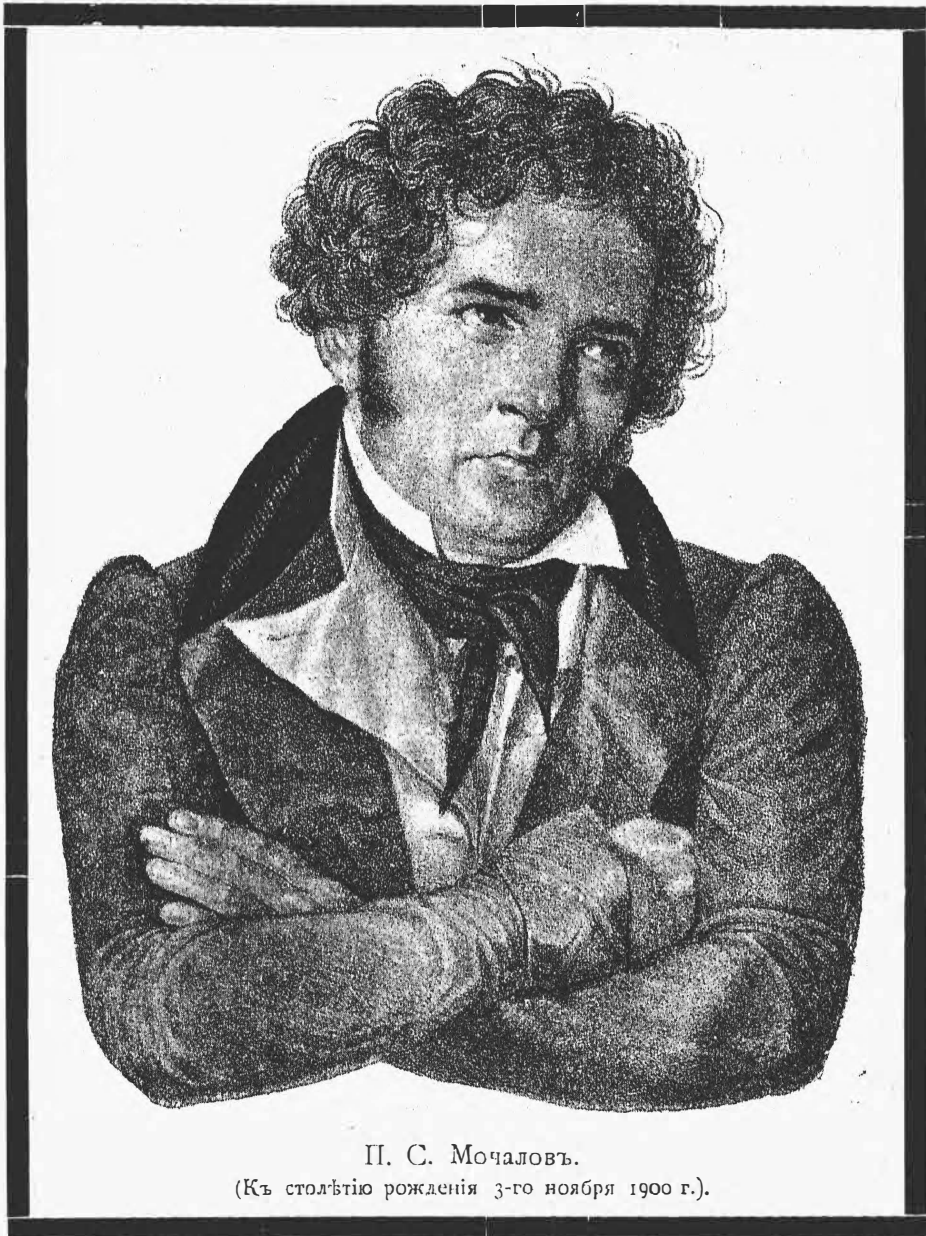
Когда я читалъ всѣ эти отзывы, одна мысль неотступно преслѣдовала меня. Почему немыслимъ ни-

какой другой художникъ, кромѣ актера, относительно котораго сохранились бы подобные отзывы? Отчего нельзя себя представить писателя, про котораго говорили бы: „вотъ это чудо“, а „это дрянъ“; это „выше всякаго совершенства“, а это „ниже всякой возможности“. Не можетъ быть также подобнаго живописца, ваятеля и пр. Актеры же такіе могутъ быть. Случайно, въ статьѣ А. И. Южина о Мочаловѣ, я встрѣтилъ попытку къ разрѣшенію этого вопроса. А. И. Южинъ довольно резонно замѣчаетъ, что всякій иной художникъ, кромѣ актера, можетъ написанное не показать, прервать, передѣлать, актеръ же, заигравъ, долженъ играть до конца. Не касаясь здѣсь вопроса о томъ, что такая особенность сценическаго искусства должна была бы заставить актера болѣе, чѣмъ всякаго иного художника, относиться внимательно къ своей задачѣ и „семь разъ отмѣрять“, прежде, чѣмъ отфигурить, я позволю себѣ, однако, замѣтить, что объясненіе А. И. Южина резонно только въ извѣстныхъ частяхъ. Писатель, живописецъ, ваятель могутъ неудачно задумать произведение; могутъ выполнить задачу безъ всякаго воодушевленія, безъ трепета, искренности, настроенія. Но быть глупыми, пошлыми, тривиальными—они не могутъ. Какъ нельзя по заказу блеснуть талантомъ, такъ точно, по заказу, невозможно блеснуть пошлостью и ничтожествомъ. И пошлость, и ничтожество — это печальные дары природы. Я понимаю Сафира, который гдѣ-то выразился, что можно научиться уму, что гевій — это трудъ, но что нельзя научиться глупости. Слѣдовательно, не въ томъ только дѣло, что актеръ, начавъ плохо играть, не можетъ приостановиться, но въ томъ, что пошлость и тривиальность свили себѣ дѣйствительно гнѣздо въ самой натурѣ актера. Плохо играть — это одно; быть „трезвымъ Репетиловымъ“ въ роли Чацкаго—это другое. Тѣ крайности, которыя въ игрѣ Мочалова отмѣчаетъ даже его восторженный поклонникъ Вѣлинскій, не могутъ быть объяснены случайностями настроенія. Я еще разъ напомнимъ выраженіе Вѣлинскаго: Мочаловъ „впадаетъ не въ посредственность, а въ пошлость и тривиальность“. Очевидно, „пошлость“ и „тривиальность“, или „дрянъ“ по Шаховскому, или „безшабашность“ по Фету—были дѣйствительно прирожденными свойствами сценической натуры Мочалова, и смотря по тому, что возобладало,—мы имѣли предъ собою гениальность, превосходившую всякую возможную степень совершенства, или пошлость и ничтожество.

Тотъ поэтический образъ, который далъ Пушкинъ въ своемъ „Поэтѣ“ и который, въ дѣйствительности, никогда не отражается въ полной мѣрѣ въ произ-

веденіяхъ поэзии,—вполнѣ примѣнимъ только къ сценическому искусству, и Мочаловъ—живое тому подтвержденіе. Мочаловъ одинъ изъ двухъ: „межъ дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ“ или же

Когда божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа *актера* встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ...

П. С. Мочаловъ.

(Къ столѣтію рожденія 3-го ноября 1900 г.).

Я не могу принять въ объясненіе „мочаловскихъ минутъ“ и вообще, крайностей мочаловской игры, ни указаній современниковъ на необразованность, отсутствіе дисциплины, ни позднѣйшихъ выводовъ объ отсутствіи школы, воспитанія, сценическаго стиля. Правда, Шевыревъ выражается про Мочалова, что это „развалины врожденнаго таланта, испорченнаго пренебреженіемъ къ искусству“; правда, Аксаковъ утверждаетъ, что онъ „не любилъ безкорыстно искусства, а любилъ славу; онъ не вѣрилъ въ трудъ, въ науку“; правда, К. А. Полевой пишетъ, что „Мочаловъ былъ актеръ съ дарованіемъ, съ сильнымъ чувствомъ, но человѣкъ грубый, необразованный“. Однако если бы все дѣло—именно все, а не частное—было въ необразованности, пренебреженія къ труду, оторванности отъ науки, то слѣдовало бы, логически провѣряя силу

образованія, труда и науки, признать, что Мочаловъ не могъ быть ни „чудомъ“, ни „выше всякаго возможнаго представленія совершенства“. Прочитайте разборъ игры Мочалова Бѣлинскимъ. Вѣдь, судя по подробностямъ и по экстазу Бѣлинскаго, это дѣйствительно было величайшее откровеніе искусства и правды. Какъ же это такъ? Если наука, образованность, искусство имѣютъ такое рѣшающее значеніе, что могутъ устранить тривіальность и ничтожество; если это такое всеобъемлющее начало для проявленія гения, то почему же отсутствіе всего этого не помѣшало Мочалову быть Мочаловымъ, сливать дѣйствительность съ мечтою, потрясать, ошеломлять публику? Если то нѣчто, что называется гениемъ, состоитъ, между прочимъ, изъ науки и искусства т. е. мастерства, то, стало быть, Мочаловъ не былъ гениемъ, ибо за нимъ не было ни науки, ни искусства. Но онъ былъ гениемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ умѣлъ находить гениальные отзвуки въ такихъ чудесныхъ, тонко чувствующихъ и пламенныхъ натурахъ, какъ Бѣлинскій и Аполлонъ Григорьевъ.

Въ чемъ же дѣло? Да въ томъ, что ни наука, ни мастерство не могутъ дать правды, а только подобіе правды. Какъ бы ни уснащали Мочалова наукой и мастерствомъ, онъ былъ бы въ „немочаловскія минуты“ только отполированнымъ „ничтожествомъ“, но не Мочаловымъ. Это было бы, разумѣется, лучше; онъ не сердилъ бы тогда своихъ поклонниковъ; онъ возросъ бы до болѣе широкихъ и общихъ сценическихъ образовъ; на немъ сошлись бы всѣ. Цѣлое поколѣніе актеровъ не возводило бы безшабашности въ культъ, не спивалось бы, не унижало бы поэзіи, знанія, искусства, — но все-таки пропасть между „мочаловскими минутами“ и „мочаловскимъ безвременьемъ“ осталась бы незаполненной. Великая бездна отдѣляетъ эти минуты, одну отъ другой, — и нигдѣ, ни въ какомъ искусствѣ, эта бездна не бываетъ такой глубокой, такой страшной, такой несповѣдимой, какъ у истинныхъ талантовъ сцены.

Во времена Бѣлинскаго игралъ, пользовался славой, срывалъ восторги современниковъ знаменитый Каратыгинъ. Вотъ актеръ, стоящій по ту сторону „мочаловскихъ минутъ“. Это не значитъ, что Каратыгинъ не былъ талантливымъ человѣкомъ. Поживъ въ Петербургѣ, освоившись съ французскимъ театромъ, уяснивъ себѣ болѣе отчетливо проблемы эстетики, Бѣлинскій смягчилъ значительно свои отзывы о Каратыгинѣ. Онъ и въ послѣднемъ находилъ „совершенство“ и апплодировалъ ему вмѣстѣ съ остальною публикою. Но это не мѣшало Бѣлинскому чувствовать то, что неизгладимою чертою отдѣляло Каратыгина отъ Мочалова. Все-таки Бѣлинскій продолжалъ понимать, что даже, будучи совершенной, каратыгинская правда, каратыгинская истина, каратыгинская красота есть иная, отличная отъ мочаловской. Мочаловъ давалъ забвеніе, — забвеніе горячее, хмѣльное, сумасшедшее; Каратыгинъ, даже достигая совершенства, давалъ забвеніе — ровное, радостное, пріятно-законченное. И вотъ, я повторяю, — какъ бы Мочаловъ ни былъ образованъ, уменъ, выдрессированъ, какъ бы всѣми помыслами ни былъ прикованъ къ созданію пластическихъ совершенныхъ образовъ, — онъ никогда бы не могъ быть Каратыгинымъ. Ибо это двѣ натуры, два вида, двѣ правды, два пути красоты. Надежды на прилежаніе, искусство и науку, увь, должно считать сильно преувеличенными, — по крайней мѣрѣ, въ то время, какъ Мочаловъ былъ уже актеромъ. Шаховской, который хорошо зналъ, по званію директора, Мочалова, не даромъ говорилъ про него: „Вѣда, если Павелъ Степановичъ, начнетъ разсуждать. Онъ только тогда и хорошъ, когда не разсуждаетъ. Это — гений по инстинкту“.

Григорьевъ употребляетъ тоже выраженіе „инстинктивный“. „Великій инстинктивный художникъ создавалъ портреты въ своей манерѣ, въ своемъ колоритѣ, и приходя въ жизнь представляемаго лица, игралъ все-таки собственную душу“.

Такимъ образомъ, Мочаловъ совсѣмъ не то, въ чемъ силится насъ увѣрить, т. е. талантъ, можетъ быть, гений, — которому мѣшало отсутствіе дисциплины, объективности, мастерства. Эта формула невѣрная. Это все равно, что сказать: вотъ прекрасный кусокъ бархата, которому мѣшаетъ то, что онъ не звонѣкъ, какъ золото, и не вкусенъ, какъ шоколадъ. Мочаловъ былъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. „Мочаловъ не работалъ, пишетъ про него Герценъ, — онъ *зналъ*, что его иногда посѣщаетъ какой-то духъ, превращающій его въ Гамлета, Лира или Карла Моора, и поджидаль его... а духъ не приходилъ, и оставался актеръ, дурно знающій роль“. Герценъ говоритъ, это съ упрекомъ. И дѣйствительно, хорошаго тутъ мало, и для театра, какъ для художественнаго учрежденія, такая теорія „поджиданія духа“ грозитъ гибелью, что мы отчасти и видѣли на нашихъ провинціальныхъ сценахъ. Но въ данную минуту насъ интересуетъ совсѣмъ не то, что нужно для блага и процвѣтанія театра, но загадка творчества, которую представлялъ Мочаловъ. И съ этой точки зрѣнія я говорю, что какъ бы Мочаловъ ни училъ свои роли, какъ бы ни старался, ни хлопоталъ, онъ бы не былъ Мочаловымъ въ тѣ минуты, когда „духъ“ его обманывалъ и не дарилъ своимъ посѣщеніемъ. Сказать, что Мочаловъ лучше игралъ бы, тщательнѣе справлялся съ текстомъ, что зрители не приходили бы въ негодованіе отъ бормотанія подъ носъ и хлопанья по бедрамъ — это одно. Но сказать, что отъ образованія и искусства мочаловскій „духъ“ измѣнилъ бы свой характеръ, или чаще являлся бы, или сталъ бы еще болѣе таинственно-прекраснымъ, могучимъ, всеокрушающимъ духомъ — значитъ, говорить совсѣмъ другое. Великое въ Мочаловѣ было его очарованіе, его безуміе, заражавшее толпу, оргія, которую праздновалъ невѣдомый духъ наитія, обнажавшій вдругъ, неожиданно, предъ изумленной и замершей отъ трепета публикой, что-то нездѣшное, какую-то красоту откровенія, какую-то правду сна и какой-то сонъ дѣйствительности.

Благодаря Ницше, мы знаемъ теперь, какъ окрестить духа, навѣщавшаго Мочалова. Это духъ Діонисія, духъ оргіастическій, ибо Мочаловъ былъ типичнымъ гениемъ-оргіастомъ.

А. Кугель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Музыкальныя замѣтки.

Второй и послѣдній общедоступный концертъ гг. Пюньо и Ауэра далеко не произвелъ такого же пріятнаго впечатлѣнія, какъ первый. Пюньо былъ совсѣмъ не въ ударѣ. Подобная незадача, отсутствіе настроенія и подьема, результатъ иногда самыхъ незначущихъ внѣшнихъ причинъ, извѣстны каждому артисту. И отмѣчая въ настоящей замѣткѣ неудачный въ художественномъ смыслѣ выходъ г. Пюньо, — я, само собой разумѣется, остаюсь при моемъ прежнемъ убѣжденіи, что нашъ французскій гость принадлежитъ къ числу выдающихся пианистовъ нашего времени. И на старуху бываетъ прорука.

Концертъ начался съ d'moll'ной сонаты для фортепіано г. Пюньо. Соната эта, за исключеніемъ первой части, представляетъ мало интереснаго. Allegro (1-й части) написано съ настроеніемъ и обработано несомнѣнно талантливо. Въ фактурѣ видна рука знающаго человѣка, который, быть можетъ, чрезмѣрно увлекся технической стороной дѣла и довольствовался блѣдными и безцвѣтными темами, положенными въ основу сонаты. Благодаря этому, соната производитъ впечатлѣніе длинной гармонической задачи, на разрѣшеніе которой положено много труда, но не вдохновенія. Далѣе, соната эта, хотя и состоитъ изъ необходимаго числа частей, но между частями не чувствуется никакой связи. Въ сонатахъ Ветхо-

вена тоже нѣтъ видимой связи, но есть связь духовная, соединившая части сонаты неразрывно. Въ этомъ легко убѣдиться, попробовавъ взять части разныхъ сонатъ и сыграть ихъ въ соответственномъ порядкѣ. Пюньо сдѣлалъ большую ошибку, поставивъ на программу эту маловыдержанную сонату. Въ прошлые прѣзды г. Пюньо игралъ свои мелкія про-

Г. Сапельниковъ.

(Получившій первую премію на конкурсѣ скрипачей).

изведенія, въ которыхъ показалъ себя изящнымъ композиторомъ въ легкомъ салонномъ жанрѣ. Произведенія эти нравились и имѣли хорошей успѣхъ, чего они и заслуживали. Но соната, *cette grande machine là*—требуетъ глубокаго творческаго дара, чтобы оказаться на высотѣ своего классическаго реномѣ. Увы! ни въ чемъ такъ часто не ошибаются художники, какъ въ своихъ собственныхъ силахъ.

Соната, которая, кстати сказать, «не въ пальцахъ» у автора, сильно расхолодила публику, переполнившую залъ консерваторіи. Авторъ имѣлъ *succès d'estime*—не болѣе этого.

Слѣдующимъ фортепианнымъ номеромъ г. Пюньо поставилъ «*Faschingsschwank aus Wien*»—Шумана. Кажется, не было пианиста изъ прѣзжавшихъ въ Петербургъ, который бы не игралъ этой вещи. Пюньо сыгралъ его плохо. Особенно неудачно были переданы *allegro*, интермеццо и финаль. *Allegro* Пюньо сыгралъ грубо, частенько попадая не на тѣ клавиши, на которыя слѣдовало бы, что случалось и въ интермеццо и въ финаль, который при этомъ былъ взятъ въ невозможно быстромъ темпѣ. Вообще артистъ совершенно не владѣлъ собой. Я положительно не узнавалъ вдумчиваго, спокойно-серьезнаго Пюньо въ этой растрепанной хаотической игрѣ, отзывавшейся чѣмъ-то диллетантскимъ.

Мало меня удовлетворили *Polonaise* (op. 22), его *Impromptu la bémol* Шопена. Это было что-то совѣмъ не то. 13-я расподія Листа была сыграна совѣмъ плохо. Пюньо игралъ еще много на бисъ, но отъ бисовъ я ушелъ.

Г. Ауэръ, наоборотъ, былъ въ ударѣ какъ никогда и игралъ съ удивительною легкостью и неподражаемою выразительностью. Началъ г. Ауэръ съ *Rondo capriccioso*—Сенъ-Санса и сыгралъ его чудесно. Въ слѣдующемъ номерѣ слѣдовалъ рядъ небольшихъ вещей виртуознаго характера. Неподражаемая по своей прелести *sérénade mélancolique*—Чайковскаго довольно рѣдко появляется на программахъ. Почему? неизвѣстно. Быть можетъ, потому, что это произведеніе, надъ которымъ надо очень много работать! Во всякомъ случаѣ, можно поблагодарить г. Ауэра за исполненіе, вполне совершенное, этой дивной серенады. Повидимому, г. Ауэръ занятъ въ настоящее время вдохновеніями Чайковскаго. Вслѣдъ за серенадой артистъ сыгралъ вальсъ изъ серенады для струннаго оркестра, обработанный г. Ауэромъ для скрипки соло.

Получилась очень элегантная, красивая и, между прочимъ, страшно-трудная пьеса, которая, можно сказать съ увѣренностью, вызоветъ большой интересъ между скрипачами. Затѣмъ г. Ауэръ исполнилъ новое произведеніе г. Направника—«Русская мелодія». Что въ этомъ произведеніи есть мелодія, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Мелодія есть, и довольно красивая. Первый періодъ такъ прямо чудесенъ. Далѣе, въ этой мелодіи въ началѣ чувствуется русскій починъ. Льется она плавно, гармонизація простая и легкая. Но вдругъ все дѣло портится и вся «русская мелодія» сводится къ шаблонному романсу. Я, впрочемъ, не хочу этимъ сказать, что произведеніе г. Направника неудачно—нѣтъ, это—хорошенькій скри-

пичный номеръ—я только отрицаю за нимъ право называться «русской мелодіей». Нельзя же въ самомъ дѣлѣ относиться совершенно безразлично къ характеру *русской мелодіи* и втискивать ее въ рамки *западнаго романа*.

La Fileuse Поппера очень изящная и очень извѣстная вещь. Быть можетъ, поэтому г. Ауэру пришла въ голову мысль обновить нѣсколько старушку-прялку. Ремонть получился очень интересный. Но зато исполненіе настолько трудно, что у самого обновителя на высочайшихъ позиціяхъ ощущалась нѣкоторая неточность интонаціи. Въ общемъ это очень эффектная вещь.

Акомпанировалъ г. Ауэру съ большимъ искусствомъ А. М. Миклашевскій.

Наконецъ нѣсколько словъ о «Крейцеровой сонатѣ» Бетховена. Это единственный номеръ, въ которомъ я еще могъ узнать г. Пюньо. Тотъ, кому удалось послушать эту сонату въ хорошемъ исполненіи, вѣроятно согласится со мной, что Левъ Толстой никогда не слышалъ этой сонаты въ болѣе или менѣе хорошемъ исполненіи, въ противномъ случаѣ ему никогда не пришло бы въ голову сдѣлать изъ нея орудіе паденія человѣка. Страннымъ кажется это отношеніе Толстого къ Бетховену, и могъ ли послѣ этого Толстой указывать на сущность искусства.

Первое симфоническое собраніе не могло похвастать интересной программой. За исключеніемъ дивной пятой симфоніи Чайковскаго, все остальное, т. е. цѣлыхъ четыре номера второго отдѣленія, было весьма посредственной цѣнности.

5-ая симфонія была закончена Чайковскимъ въ 1888 году и въ томъ же году публика ее впервые услышала и... совершенно не поняла. Критика точно убоилась сказать публикѣ, что непонятое ею произведеніе есть, тѣмъ не менѣе, одно изъ чудныхъ даровъ Чайковскаго національному искусству, и ограничилась въ большинствѣ случаевъ общими мѣстами и жалобой на сложность фактуры, длинноты и т. п. ничего не говорящая ни автору, ни публикѣ фразы. За протекшія двѣнадцать лѣтъ 5-ую симфонію исполняли сравнительно очень рѣдко. Въ симфоническихъ собраніяхъ Петербурга, если не ошибаюсь, ее исполняли всего-на-всего три раза. Припоминая ея первый дебютъ въ Петербургѣ и сравнивая его успѣхъ съ успѣхомъ нынѣшняго года, я могу засвидѣтельствовать пріятный фактъ, что публика начинаетъ примѣчать въ ней красоты и рѣшается, такъ сказать, исповѣдывать ихъ, на что она двѣнадцать лѣтъ назадъ не была податлива. Тѣмъ не менѣе тѣмъ упорства еще рѣшетъ надъ залой. Какъ это странно! Слушая музыку вдохновеннаго Чайковскаго, слушаешь вѣщія пѣсни русской души.

Это что то родное, великое, необъятное... Страшная пѣсня

Н. А. Лухманова.

(Авторъ ком. «Сибирскій Риголетто»).

и волшебная! Страшная потому, что тайна ея намъ недоступна. Волшебная—потому, что сила ея влечетъ за собой всѣхъ призванныхъ къ искусству России. Отъ этихъ пѣсенъ Чайковскаго не уйти никому, кто разъ услышалъ ихъ и сберегъ въ своей душѣ.

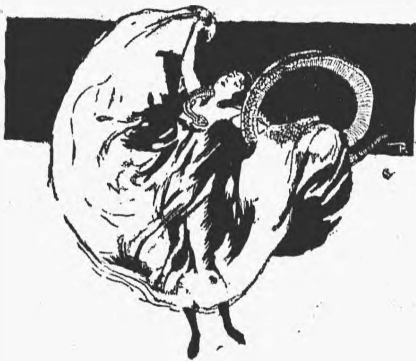
Симфонія подъ управленіемъ г. Направника слушалась съ

интересомъ. Оркестръ чувствовалъ передъ собой большого мастера и былъ очень внимателенъ. Быть можетъ, специалистъ симфонической музыки нашелъ бы возможнымъ дать болѣе тонкіе и разнообразные оттѣнки, нежели то сдѣлалъ г. Направникъ, какъ, наприм., въ *Andante contabile* и въ средней части вальса, но и за слышанное безконечная благодарность. Какъ никакъ, а публика услышала 5-ую симфонию, да еще въ стройномъ и умѣломъ исполненіи.

Изъ двухъ другихъ оркестровыхъ номеровъ можно лишь остановиться на «Балладѣ» Ляпунова (соч. 2), исполненной въ первый разъ, что же касается до «*Jubel ouverture*» — Вебера, то для публики симфоническихъ собраний она представляетъ не болѣе интереса, чѣмъ попури изъ «Дочери тамбуръ мажора». «Баллада» г. Ляпунова незаурядная вещь, написанная интересно, сочно, съ приемами широкаго письма, но, къ сожалѣнію, понять и оцѣнить ея достоинства, не касающіяся техники, при всемъ желаніи невозможно. Что можетъ сказать слушателю название «Баллада»? Ровно ничего. Разсказъ? О чемъ? — Неизвѣстно. Излагается слушателю музыкальная тема, хорошо гармонизованная, умѣло развитая, сплетающаяся съ другой и т. д. и т. д. Аккорды и конецъ. Все это очень хорошо. Но почему это называется балладой? Вѣроятно, въ слѣдствіе невѣдѣнія публики, о чемъ разсказываетъ баллада г. Ляпунова, она приняла ее довольно холодно.

Солистомъ былъ г. Зилотти, который, повидимому, находить совершенно излишнимъ обновлять свой репертуаръ. И фантазію Шуберта-Листа, и «Пляску смерти» — Листа онъ уже въ симфоническомъ собраніи игралъ и, кстати сказать, игралъ гораздо лучше. Почему же г. Зилотти понадобилось повтореніе программы? Г. Зилотти игралъ вяло, публика слушала вяло. Успѣхъ пианиста небольшой. Г. Направникъ аккомпанировалъ г. Зилотти черезъ чуръ громко.

Б. М. Соловьевъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

По слухамъ, въ Москвѣ учреждается всероссийское театральное общество съ основнымъ капиталомъ въ 1 милліонъ рублей. Пайщиками его является московская частная опера, а также г. Солодовниковъ, внесші 100 тыс. руб.

* * *

Главное управленіе неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, исходя изъ того положенія, что устройство народныхъ спектаклей вообще можетъ быть оправдываемо лишь въ особо крупныхъ центрахъ съ сильно развитою промышленностью и фабрично-ремесленной жизнью и что въ чертѣ еврейской осѣдлости городское населеніе состоитъ преимущественно изъ евреевъ, не злоупотребляющихъ крѣпкими напитками, освѣдомило комитеты попечительства о народной трезвости, что они должны воздерживаться вообще отъ сколько-нибудь существенныхъ затратъ и развивать свою дѣятельность болѣе въ селеніяхъ, а не въ городахъ и мѣстечкахъ, главный контингентъ населенія коихъ составляютъ евреи.

* * *

Коммисія по организаціи 2 сѣзда сценическихъ дѣятелей имѣла уже нѣсколько засѣданій. Секретаремъ сѣзда избранъ Н. Ф. Арбенинъ. Выборы товарища предсѣдателя до сихъ поръ не дали еще удовлетворительныхъ результатовъ, такъ какъ голоса разбились. Рѣшено составить подробную программу занятій, которую и разослать на дняхъ вмѣстѣ съ циркуляромъ. Постановлено, между прочимъ, труды сѣзда издать только въ томъ случаѣ, если найдется не менѣе 500 подписчиковъ, которые внесутъ заранѣе «затокъ», въ размѣрѣ 2 р. Знаки членовъ сѣзда будутъ выдаваться, по примѣру прошлаго сѣзда, бесплатно. Сѣздъ состоится на 4 недѣли, а въ случаѣ большого ко-

личества докладовъ, будетъ продолженъ также и на пятую недѣлю поста.

* * *

Въ началѣ ноября въ Александринскомъ театрѣ состоится бенефисъ М. А. Александровой за пятидесятилѣтнюю службу. Артистка ставитъ новую пьесу Шпагинскаго «Предѣлъ», одно дѣйствіе изъ «Воеводы» Островскаго и «Именины въ улагѣ» Лейкина.

* * *

На 30-е октября назначена закладка новаго зданія убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ, устраиваемаго русскимъ театральнымъ обществомъ. Два этажа новаго зданія уже готовы, а ко дню закладки убѣжище будетъ покрыто и крышей. Внутреннюю отдѣлку предполагаютъ начать съ апрѣля будущаго года. Убѣжище рассчитано на 40 человѣкъ. Каждому призрѣваемому предназначена отдѣльная комната, за исключеніемъ 5 комнатъ, гдѣ будутъ помѣщаться по 2 человѣка. При убѣжищѣ устраивается отдѣльная церковь, рассчитанная на 600—800 чел. Въ церкви будутъ устроены отдѣльные хоры, предназначенные специально для призрѣваемыхъ артистовъ. Помимо того, болѣе слабыхъ будутъ привозить на кровати въ соседнюю комнату, соединенную съ церковью особою аркою. Въ убѣжищѣ будутъ устроены аптека, пріемный покой и всѣ приспособленія для поданія первой помощи. Въ особой залѣ помѣщаются читальня и библіотека. Всѣмъ призрѣваемымъ, сверхъ полнаго содержанія (отдѣльная комната, обѣдъ изъ 2 блюдъ, утомъ и вечеромъ — кофе и ужинъ), будутъ выдаваться еще 3 рубля въ мѣсяцъ на мелкіе расходы. Зданіе, въ которомъ теперь временно помѣщается убѣжище, предназначается для пріюта сиротъ-дѣтей артистовъ. Убѣжище фактически существуетъ съ 1895 г. Первый составъ призрѣваемыхъ въ немъ былъ слѣдующій: Ивановъ-Козьмьскій, Л. И. Щеголева, Докучаевъ, П. И. Воброва. Затѣмъ въ разное время находили въ немъ пріютъ провинціальныя артисты: М. В. Измайлова, М. А. Чарская, М. В. Рославская-Ромашкова, Е. А. и А. А. Александровы, Кочевская, Арсеньевъ-Жуковъ и мн. др. Новое зданіе убѣжища помѣщается на Петровскомъ островѣ, Петровский просп., д. 13.

* * *

Съ 21-го ноября въ театрѣ «Акваріумъ» начнутся гастролы вѣнской опереточной труппы подъ дирекціей г. Шульца, составъ которой слѣдующій: г-жи Бетти Стоянъ, Мери Гальтонъ, Фишеръ-Гюнтеръ, Луиза Лингъ, Натилеръ, Сендеръ и др.; гг. Юліусъ Шпильманъ, Жанъ Феликсъ, Эд. Штейнбергеръ, Пагинъ, Штрессеръ, Натилеръ, Фишеръ, Биндеръ и др. Хоръ состоитъ изъ 50 человѣкъ, оркестръ изъ 30 музыкантовъ. Главный капельмейстеръ г. Ферронъ, а режиссеръ г. Биндеръ. Въ теченіе сезона будутъ поставлены оперетка «Сантай», автора «Гейши», «Дива», «Греческая рабыня», «Прекрасный Ригго» и др.

* * *

Еще одинъ режиссерскій крахъ: А. П. Ленскій отказался отъ исполненія режиссерскихъ обязанностей въ слѣдствіе недоразумѣній съ театральнымъ начальствомъ. По послѣднимъ, однако, извѣстіямъ все уладилось. Все хорошо, что хорошо кончается. Но не хорошо кончить карьеру режиссеромъ.

* * *

Первое представленіе «Доктора Штокмана» въ Художественно-общедоступномъ театрѣ прошло съ громаднымъ успѣхомъ. По отзывамъ «Новостей Дня», постановка и исполненіе пьесы оказались выше всего того, что было до сихъ поръ въ Художественномъ театрѣ. Весь вечеръ былъ рядомъ оаций по адресу г. Станиславскаго и всей труппы. Отъ постановки вѣтъ де необыкновеннымъ умомъ, жизненностью и живостью. Замѣчательно удалась сцена народнаго собранія. Критики договариваются до того, что считаютъ спектакль историческимъ. Г. Станиславскому поднесенъ лавровый вѣнокъ.

* * *

Артистка Коршевскаго театра г-жа Шаровьева вышла изъ состава труппы.

* * *

Ө. И. Шаляпинъ, совершенно оправившійся отъ болѣзни, получилъ предложеніе отъ извѣстнаго импресарио г. Грау пріѣхать на гастролы въ Лондонъ на май и іюнь будущаго года.

* * *

24-го октября въ театрѣ Корша состоялся первый выходъ Ө. П. Горева въ «Старомъ баринѣ». Сборъ полный. Газеты отмѣчаютъ успѣхъ артиста, чему мы очень рады. Артисту были поднесены вѣнки отъ труппы и дирекціи. Артисты Малаго театра черезъ одного изъ своихъ членовъ привѣтствовали Ө. П. съ возвращеніемъ въ Москву; привѣтствие это было передано за кулисами.

Слѣдующіе выходы Горева предполагаются въ «Якобитахъ» и «Старой сказкѣ».

* * *

21-го октября въ московскомъ частномъ театрѣ состоялось первое представлѣніе новой оперы Н. А. Римскаго-Корсакова «Царь-Салтантъ», либретто котораго составлено В. И. Бѣльскимъ.

Обстановка оперы блестящая. Особенное впечатлѣніе произвела перемѣна декораций при открытѣ занавѣсъ во 2-мъ дѣйствіи. Появленіе города Леденца, эффекты перехода ночи въ полный день были выполнены прекрасно. Въ прологѣ извѣстный разговоръ трехъ сестеръ, обѣщаніе младшей «для батюшки царя родить богатыря», избраніе ея Салтаномъ въ жены. Первое дѣйствіе — во дворцѣ, въ Тмутаракани. Няни баюкаютъ младенца-царевича. Сестры ложно носятъ на Милитрису, что вмѣсто богатыря она родила какую-то «звѣрушку». Разгнѣванный Салтантъ отдаетъ приказъ, по которому Милитрису вмѣстѣ съ царевичемъ засмаливаютъ въ бочку и пускаютъ въ море. Три затѣмъ слѣдующихъ акта — на островѣ Буянтѣ. Здѣсь идутъ извѣстные превращенія царевича Гвидона въ пчелу, его сцены съ лебедью, три чуда, наконецъ, женитьба Гвидона на царевнѣ, свиданіе Салтана съ Милитрисой и общій пиръ. По самому своему складу либретто отъѣчаетъ характеру музыкальной индивидуальности композитора. Фантастическій элементъ даетъ возможность ему проявить свой талантъ превосходнаго инструментатора.

Способность къ музыкальной характеристикѣ у Римскаго-Корсакова въ этой оперѣ больше всего сказалась въ изображеніи центральной фигуры оперы, самого царя Салтана, простодушнѣйшаго изъ царей, каковаго только создавала человѣческая фантазія.

Постановка «Сказки о царѣ Салтантѣ» составила предметъ особеннаго труда со стороны дирекціи оперы. Новая декорация написана г. Врубелемъ, режиссировалъ В. П. Шкаферъ и г. Кравецкій; общей постановкой руководилъ М. В. Лентовскій. Партіи распределены между лучшими силами труппы и даже маленькія роли переданы первымъ пѣвцамъ ради ансамбля. Опера и авторъ имѣли грандіозный успѣхъ. Бурные аплодисменты не умолкали во время всѣхъ антрактовъ. Апогея оваціи достигли послѣ 2-го дѣйствія. Оркестръ игралъ тушь, композитору поднесли отъ благодарной дирекціи частнаго театра золотой вѣнокъ въ видѣ буквы С на фонѣ лиры изъ цвѣтовъ съ надписью: «Славѣ русской музыки, счастью московской частной оперы»; затѣмъ серебряный вѣнокъ отъ «привзательныхъ за довѣріе артистовъ частной оперы» и большой лавровый вѣнокъ отъ «кружка любителей русской музыки». Изъ литературныхъ ложъ на сцену бросали вѣнки и цвѣты. Оваціи продолжались въ теченіе всего вечера и послѣ спектакля.

Роли распределены такъ: Царица — г-жа Цвѣткова, царевна Лебедь — г-жа Забѣлла, Гвидонъ и Салтантъ — гг. Секаръ-Рожанскій и Мутинъ; гг. Левандовскій и Шкаферъ — скоморохи и сторонники, гонецъ — г. Швелевъ.

* * *

Изъ Москвы намъ пишутъ: 23-го октября на сценѣ Нового театра шла въ первый разъ комедія Бауернфельда «Поѣзда», не представляющая никакого особеннаго интереса: пьеса и не новая, и не глубокая по замыслу, и чрезчуръ растянутая, такъ что все содержаніе ея можно было бы съ успѣхомъ вложить въ однакту или, много-много, двухактную комедію. Исполнителями главныхъ ролей выступили молодые артисты г-жа Арсеньева (Приска) и г. Красовскій (баронъ). Г-жа Арсеньева — молодая *ingénue dramatique* — выступаетъ въ отвѣтственныхъ роляхъ лишь съ этого сезона. Пока она играла Клерхенъ въ «Эгмонтѣ» и Лидочку въ «Свадбѣ Кречинскаго». Не смотря на неровности и недостаточную отдѣлку деталей, чему причиною, конечно, неопытность артистки, исполненіе артистки искреннее и естественное. Г. Красовскій игралъ слишкомъ холодно. Остальные артисты, за исключеніемъ г. Музиля, декламировали свои роли удивительно безжизненно. Подобный же характеръ, кстати сказать, постигъ и исполненіе «Ромео и Джульетты» въ Маломъ театрѣ. Почти всѣ роли отданы также молодымъ силамъ; г-жа Юдина 2-я — Джульетта — даже въ первый разъ выступаетъ вообще на сценѣ; нельзя не признать, что нѣкоторые молодые люди стараются... но и только.

Слѣдующая новинка Императорской драматической сцены — «Отжитое время» («Дѣло») Сухова-Кобылина. Пьеса возобновляется для бенефиса г. Правдина и пойдетъ въ Маломъ театрѣ при очередномъ режиссерствѣ г. Южина въ первой половинѣ ноября.

* * *

По слухамъ ходатайство московской частной оперы о разрѣшеніи оперы А. Г. Рубинштейна «Купецъ Калашниковъ» увѣнчалось успѣхомъ.

* * *

Михайловскій театр. «Школьные товарищи», ком. въ 4 д. Фульда, переводъ съ нѣмецкаго Л. Г. Пьеса эта знакома пѣтербургцамъ по нѣмецкимъ спектаклямъ Бока. Въ оригиналѣ

она называется «Jugendfreunde» и относится къ тому жанру пьесъ, которая французы имѣютъ наивность называть «haute comédie», но которая у насъ относится, безъ дальнихъ словъ, къ фарсамъ. Это — двѣ крайности, разумѣется. Это — не «высокая комедія», требующая священодѣлствія, но и не буффъ, со скаканіемъ и козлоглаголаніемъ. Поверхностная и искусственная интрига все же не исключаетъ характеровъ, и пьесы подобнаго рода слѣдуетъ всегда играть, стремясь къ типичности и характерности изображенія.

Сюжетъ пьесы заключается въ томъ, что четверо товарищей дѣтства, которымъ уже стукнуло за тридцать, и которые пребывали въ нѣжнѣйшей дружеской связи, мало по малу женятся. Во второмъ актѣ, трое товарищей являются съ женами къ главѣ кружка, доктору Мартенсу, и жены начинаютъ немедленно между собою ссориться, ссорить супруговъ, и товарищескому союзу грозитъ форменное распадѣніе. Впрочемъ, въ четвертомъ актѣ женатый триумвиратъ рѣшаетъ по прежнему поддерживать товарищескій союзъ, подъ верховенствомъ Мартенса, въ знакъ чего поетъ «Gaudeamus». Но увы, самъ докторъ Мартенсъ женится на своей молоденькой стенографисткѣ, и слѣдуетъ полагать, что это уже будетъ окончательный ударъ союзу «Школьныхъ товарищей».

Фульда разработалъ этотъ сюжетъ съ юморомъ, и нѣкоторыя характеристики, особенно женъ, весьма удачны. Это — буржуазный «жанръ», котораго искуснѣйшіе сборцы завѣщаны намъ французскимъ театромъ. Публика смѣется и уходитъ домой, исполнѣ довольная «собой, своимъ обѣдомъ и женой». Нѣмецкой комедіи, вообще, довольно искусной, мѣшаетъ къ сожалѣнію неизбѣжный острякъ, отпускаящій «выщцы». Этотъ традиціонный острякъ нѣмецкой комедіи мѣмного, *à la longue*, несносенъ, но посмѣяться и тутъ возможно. Острякъ, доктора Мартенса, игралъ г. Долиновъ. Онъ дѣлаетъ свой комедійный тонъ очень добросовѣстно, но настоящей легкости я у него не нахожу. Отзывается какъ-то шаблонно, а не живымъ, характернымъ лицомъ. Типичны были гг. Корвинъ-Круковский и г. Черновъ, игравшіе въ тонѣ настоящей комедіи. Поверхностно-водевилень былъ также г. Ридаль.

Женскія роли исполняли г-жа Потоцкая, Морева, Домашева и Стравинская. Менѣе всѣхъ понравилась мнѣ г-жа Стравинская. Она играла какъ-то тускло, невыразительно. Больше всѣхъ мнѣ понравилась г-жа Морева. Режиссерскихъ указаний совсѣмъ не чувствовалось, и пьеса произвела впечатлѣніе наскоро срепетованной. Финалы и, вообще, яркіе моменты были невыдѣлены, — словно пьеса готовилась второпяхъ.

Однако, какъ же такъ второпяхъ? Въ Михайловскомъ театрѣ ставятъ три—четыре пьесы въ сезонъ. Неужто некогда срепетовать легонькую комедію? Н. Нор.

* * *

Петербургскій театр. «Рабыни веселья», ком. въ 4 д., соч. В. В. Протопопова.

Рабыни веселья — это тѣ «милая, но погибшія созданія», которыхъ въ изобиліи встрѣчаешь въ нашихъ загородныхъ садахъ и изъ которыхъ формируются всевозможные хоры, квартеты, квинтеты. Назначеніе ихъ — веселить всякими способами — и дозволенными и недозволенными — разныхъ саврасовъ безъ узды, дикость которыхъ здѣсь, въ этомъ «омутѣ веселья», проявляется во всей своей неприкосновенности. Быть и правы этихъ «жрицъ» необузданнаго и дикаго веселья и изобразилъ въ своей пьесѣ г. Протопоповъ. Тутъ есть все: и женскій хоръ во всей непритязательной обстановкѣ его жизни, и самодуры-купцы, нраву которыхъ не препятствуй, разъ они начали «веселиться», и кафе-шантанная «этуаль», и даже, угнетенная невинность, по неопытности и ошибкѣ попавшая въ этотъ вертепъ. Разсказывать подробно содержаніе пьесы — я не стану, ибо трудно быть строго послѣдовательнымъ при передачѣ ряда картинъ, связаннымъ между собой только на живую нитку. Впрочемъ и мѣръ, который рисуетъ авторъ, самъ-по-себѣ представляетъ только рядъ эпизодовъ.

Жанровая сторона пьесы говоритъ, однако, о наблюдательности автора и заслуживаетъ вниманія. Какъ самая среда, выведенная въ пьесѣ, такъ и дѣйствующихъ лицъ сильно идеализированы, такъ сказать — «расцвѣчены», но это, пожалуй, и лучше. Что касается романтической интриги, изображенной въ пьесѣ, то, она сдѣлана опытной рукой и потому смотрится съ интересомъ. Заключается она въ томъ, что нѣкій Кудровъ — купецъ новѣйшей формаціи, весьма и весьма смахивающій на «джентльмена» Рыдлова, — задумалъ погубить «наивную дѣвушку Лену» только — что вступившую въ хоръ и неподозрѣвавшую, въ какой омутъ грязи она попала. Пособникомъ Кудрова является красавецъ Васья-щеголь, солистъ того же хора, который добивается того, что Лена въ него влюбляется. Онъ намѣревается затѣмъ передать ее Кудрову, но пошлая и грязная интрига случайно открывается, и Лена, послѣ гротескнаго скандала, вмѣстѣ съ таперомъ, вступившимся за

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕАТРЪ.

1) Таперъ. 2) Бѣлородовъ веселится. 3) «Этуаль» Ольга Роговичъ.

нее, уходитъ изъ хора такой же чистой и непорочной, какой она и пришла.

Недурно, напр., обрисована доморощенная «этуаль», дѣйствительно милое, хотя и погибшее созданіе — Ольга Роговичъ. Замѣчу кстати, что исполнители этой роли легко впасть въ утрировку. «Папирать» на «детали» слѣдуетъ «съ осторожностью». Очень яркая фигура содержательницы хора Ирины Степановны. Шпіе, разумеется, не ея назначеніе, и самый хоръ, содержимый ею, это только ширмы, за которыми обдѣлываются разныя темныя дѣлшки и совершаются всѣ акты «купи-продажи» живого товара.

Исполненіе было въ общемъ хорошее и, признаться, я былъ пріятно пораженъ, что труппа г-жи Шабельской способна играть съ такимъ ансамблемъ. На первое мѣсто должны быть выдѣлены гг. Яновъ и Грековъ. Г. Яновъ выдвинулъ роль тапера на первый планъ. Публикѣ г. Яновъ особенно понравился въ послѣднемъ актѣ, гдѣ онъ выказалъ недюжинный темпераментъ. Но лично на меня произвелъ наибольшее впечатлѣніе 3-й актъ и именно та сцена, когда Кудровъ заставляетъ Ковровскаго плясать. Въ этой сценѣ у г. Янова мало словъ, но зато мимика поразительная. Лицо его въ нѣсколько секундъ отразило цѣлую гамму настроеній, и я рѣшительно не понимаю, какъ артистъ достигаетъ моментальнаго превращенія лица изъ совершенно блѣднаго въ сильно раскрасившееся, и наоборотъ. Во всякомъ случаѣ, я очень радъ успѣху г. Янова. Радъ и за него и... за себя, ибо, какъ теперь оказывается, я не ошибался, когда послѣ «Свадьбы Кречинскаго», среди всеобщихъ одобреній по адресу артиста, высказался въ томъ смыслѣ, что онъ хоть и плохой Кречинскій, но все же въ его игрѣ есть что-то такое, что говорить о несомнѣнномъ талантѣ артиста. Предсказанія эти оправдались даже скорѣе, чѣмъ я думалъ.

Однако, отъ нѣкоторыхъ замѣчаній я все же не могу удержаться. Напримѣръ, въ послѣднемъ актѣ г. Яновъ ведетъ роль съ сильнымъ подъемомъ. Это говоритъ въ пользу темперамента артиста, но не слѣдуетъ забывать, что Ковровский — по толкованію самого же артиста — чахоточный и производитъ такое впечатлѣніе, что вотъ-вотъ отправится на тотъ свѣтъ. У чахоточнаго не можетъ, разумеется, быть и половины той силы, которую артистъ проявляетъ въ 3-мъ актѣ.

Прекрасно игралъ Бѣлородова г. Грековъ. Артистъ выросъ на подобныхъ роляхъ и нѣтъ ничего удивительнаго, что на этотъ разъ онъ имѣлъ большой и вполне заслуженный успѣхъ. И походочка, и говорокъ, и самыя манеры — все это у г. Грекова было чрезвычайно типично.

Не лишена типичности, хотя немного и однообразна, г-жа Легатъ (Ирина Степановна). Г-жи Казбичъ, Никитина, и особенно Михайловская и Кирова живо и весело играли хористокъ. Онѣ очень скоро схватили нѣкоторыя типическія особенности. Даже «безпокойная ласковость взора» какъ-будто чувствовалась. Мѣстами былъ недуренъ г. Августовъ (Вася — щеголь), хотя ничего цѣльнаго онъ не далъ. Были отдѣльные мазки, иногда очень удач-

«Рабини веселья», ком. въ 4 д. В. В. Протопопова.
(Рис. А. Любимова).

ные, но этимъ все и ограничивалось. Натура у этого несомненно способнаго артиста какал-то прямолинейная. Ему удаются пѣкоторые отдѣльные моменты, но цѣлые характеры, съ ихъ особымъ колоритомъ, выходятъ у него не рельефно. Притомъ онъ малоопытенъ. — Имѣла успѣхъ и г-жа Тонская, игравшая Ольгу Роговичъ. Послѣ шансонетки (III-й актъ) ей много аплодировали.

Г. Петросьянъ игралъ Кудрова грубовато и безъ оттѣнковъ. Кстати, зачѣмъ г. Петросьянъ частенько конецъ фразъ бормочетъ себѣ подъ носъ? Г-жа Лачинова вела роль Лены довольно ординарно, хотя вообще пассивныя роли больше въ ея средствахъ, нежели сильныя. Артистка много вредитъ плохая мимика.

Упомяну еще о г. Макаровѣ-Юневѣ, очень веселомъ дворникѣ Калистратѣ, и о г-жѣ Островской, живо изображавшей кухарку. Первые представленія прошли при переполненномъ театрѣ.

Вл. Линскій.

* * *

На 4 ноября назначенъ экстренный симфоническій концертъ въ память Рубинштейна. Въ залѣ думы въ тотъ же день — литературно-вокальный вечеръ въ память Мочалова. Участвуютъ въ разныхъ сценическихъ отрывкахъ заслуженныя петербургскія артистки, какъ г-жи Стрепетова, Горева, Савина; читаютъ воспоминанія гг. Кремлевъ и Вейнбергъ.

* * *

Дирекція Императорскихъ театровъ предложила Аполлинару Мих. Васнецову сочинить эскизы декораций и костюмы для оперы «Садко» г. Римскаго-Корсакова. Побывавъ съ цѣлью изученія пейзажа на сѣверѣ Россіи г. Васнецовъ представилъ дирекціи болѣе ста листовъ акварельныхъ рисунковъ. Кромѣ костюмовъ, художникомъ сочинено семь эскизовъ декораций. Первая — гридня, внутренность бревенчатой изукрашенной новгородской общественной избы; мотивы украшеній взяты изъ одной старинной церкви Архангельской губерніи. Вторая — дубрава у Ильменя, на берегахъ котораго въ старину росли дубы. Третій эскизъ представляетъ свѣтлицу Садка. Далѣе слѣдуетъ пристань въ Новгородѣ, подъ земляной городской стѣной, увѣнчанной тыномъ; вдали видна каменная стѣна дѣтинца. Садко въ морѣ, на своемъ «Соколѣ»; ночной морской пейзажъ при лунномъ освѣщеніи. «Соколъ» возсозданъ по старымъ рисункамъ русскихъ судовъ и кораблей викинговъ; подводный дворецъ морского царя, состоящій изъ движущихся водяныхъ струй, водоворотовъ и волнъ. Послѣдняя картина — снова Ильмень деревянная часть Новгорода, а вдали знаменитый Спасъ Нередицкій, теперь сѣдая древность, тогда, при Садкѣ, новая краса «отца городовъ русскихъ». Приступлено къ выполнению костюмовъ и декораций.

* * *

Оперный импресарио В. Н. Любимовъ подписалъ контрактъ съ г-жей Альмой Фостремъ на четыре мѣсяца — съ Великаго поста по юню. Ведутся переговоры съ знаменитымъ пѣвцомъ И. Решке и примадонной парижской «Большой оперы» г-жею Дарклэ. Товарищество откроетъ свои спектакли сперва въ Петербургѣ, въ театрѣ консерваторіи. Мѣсто спектаклей въ Москвѣ еще не определено.

* * *

Московскія газеты сообщаютъ подробности о могилѣ П. С. Мочалова.

Скромная металлическая рѣшетка, съ трехъ сторонъ которой выросли двѣ березы и одна липа... На дверцахъ рѣшетки бросается въ глаза дощечка съ надписью: «Могила П. С. Мочалова охраняется русскимъ театральнымъ обществомъ». Въ лѣвомъ переднемъ углу, за рѣшеткой, на самой могилѣ П. С., на четырехугольномъ постаментѣ. — памятникъ въ видѣ круглой колонны; по срединѣ колонна перерѣзывается кубомъ, на которомъ выбиты имя, отчество и фамилія артиста, съ датами рожденія и смерти. Средину огороженного мѣста занимаетъ гранитная колонна, на которой съ одной стороны вычеканены слова:

«Отъ почитателей
таланта».

а съ другой:

Павелъ Степановичъ
Мочаловъ.

Скончался 16-го марта 1848 года.

и немного ниже:

«Ты слылъ безумцемъ въ этомъ мірѣ
И бѣднякомъ ты опочилъ,
И лишь предъ избраннымъ поэтомъ
Земное счастье находилъ.
Такъ спи, безумный другъ Шекспира,
Оправданъ вѣчности Отцомъ.
Вѣшалъ Онъ, что премудрость міра
Безумство предъ Его судомъ».

Кориньян. 3, 14.

Могила Мочалова.

Въ лѣвомъ заднемъ углу возвышается памятникъ на могилѣ отца П. С. — Степана Ѳеодоровича Мочалова. На этомъ памятникѣ выбиты слова:

«Здѣсь погребено тѣло

Императорскаго

Московского Театра Актера

Стефана Ѳеодоровича Мочалова».

а дальше даты о рожденіи, смерти и супружествѣ.

* * *

Въ 40-хъ годахъ въ Одессѣ подвизался артистъ Мочаловъ — тоже трагикъ, неоднократно выступавшій въ роли Гамлета, Кина, Отелло и др. трагическихъ роляхъ и покончившій съ собою тоже трагически (онъ зарѣзался). Въ одной изъ аллей Старога кладбища въ Одессѣ находится запущенная могила. Надпись на потрескавшемся, ветхомъ памятникѣ гласитъ: «Здѣсь покоится прахъ актера Мочалова, скончавшагося въ 1848 г., на 32 году жизни, а въ скобкахъ значится настоящая фамилія артиста: «Иванъ Лукичъ Бушуйкинъ». Многіе гостища въ Одессѣ артисты и вообще любители театра, посѣщая кладбище, останавливаются у «могилы Мочалова» и полагаютъ, что это и есть «настоящій Мочаловъ».

Продостерегаемъ отъ однофамильцевъ.

* * *

Василеостровскій театръ. Въ субботу, 21 октября, мнѣ, наконецъ, удалось попасть въ этотъ симпатичный театръ. Я былъ здѣсь еще въ сравнительно далекія времена Я. И. Шмита. Съ тѣхъ поръ много воды утекло и многое, разумѣется, перемѣнилось. Прежде всего теперь другой режиссеръ — С. А. Свѣтловъ, который въ прежніе годы режиссировалъ спектаклями Невскаго Общества устройства народныхъ развлеченій. Кромѣ того г. Аркадьевъ, неизмѣнный любимецъ мѣстной публики въ продолженіи многихъ лѣтъ, ушелъ въ провинцію и на его мѣсто приглашенъ г. Эльскій. Затѣмъ г-жу Недвѣцкую замѣнила г-жа Весеньева, не безызвѣстная провинціальная актриса.

Всѣ эти перемѣны отразились, разумѣется, какъ на репертуарѣ, такъ и на веденіи дѣла. Старушкѣ мелодрамѣ, которая создала успѣхъ этому театру, дана рѣшительная о-

ставка и ее замѣнилъ въ полномъ смыслѣ классическій репертуаръ. «Отелло», «Гамлетъ», «Донъ-Карлосъ», «Коварство и любовь», «Донъ-Жуанъ», «Уриель Акоста» и пр. пр.—вотъ что теперь пестрѣетъ на афишахъ. И вопреки пророчеству литературныхъ кликушъ, ратующихъ за господство мелодрамы на сценахъ народныхъ и общедоступныхъ театровъ, сборы въ Василеостровскомъ театрѣ не только не понизились, но наоборотъ, поднялись, и дирекція теперь озабочена мыслью о постройкѣ новаго театра, значительно большихъ размѣровъ.

Въ этотъ вечеръ шла трагедія «Уриель Акоста». Въ главной роли выступилъ г. Эльскій, достаточно знакомый петербургской публикѣ. Роль Акосты въ репертуарѣ этого артиста, во всякомъ случаѣ, одна изъ наиболѣе удачныхъ. Выдержано ведется имъ I актъ. Удачна и сцена въ синагогѣ. Г-жа Прокофьева (Юдиохъ) понравилась мнѣ значительно меньше. Это—способная артистка, но она совсѣмъ не думаетъ о томъ, что она говоритъ и что ей говорятъ, потому въ ся игрѣ все время чувствуется какая-то фальшь. Въ началѣ II акта, напр., Уриель говоритъ о томъ, что въ данный моментъ Юдиохъ съ нимъ чересчуръ привѣтлива. Изъ этого ясно, что хотя ей, на самомъ дѣлѣ, и досадно на него, но она все же остается съ нимъ ласковой и привѣтливой. Между тѣмъ, Юдиохъ-Прокофьева въ этой сценѣ и рветъ, и мечетъ, и кричитъ. Г. Морвилъ (Бенъ-Юкай) производитъ впечатлѣніе малоопытнаго артиста. Ни голосъ, ни жесты не поддаются его волѣ. Но нѣкоторыя отдѣльныя фразы произноситъ артистъ хорошо. Прекрасный Де-Сильва—г. Шабельскій. Это вообще полезный и умный актеръ. Ему только иногда вредитъ не всегда умѣстное стремленіе къ оирошенію. Типичны г-жа Сѣверова (Эсфирь) и г. Холминъ (Бенъ-Акиба). Зато г. Львовъ (Де-Сантосъ) вслѣдствіе короткаго дыханія, какъ-то странно дѣлитъ фразы, такъ что получается впечатлѣніе, что онъ не знаетъ роли.

Обставлена пьеса съ большою любовью и старательностью. В. Л.—ий.

* * *

Въ залѣ Павловой былъ устроенъ 26-го спектакль «на образованіе первоначальнаго фонда для учрежденія школы ученыхъ кузнецовъ Общества покровительства животнымъ» (o! o!) при участіи г-жи Дашковой, г. Дьяконова и другихъ артистовъ «петербургскихъ театровъ». Очень разнообразный спектакль. Драма Роветта «Безчестные», «Страничка романа», Берникова, мелодраматическая, декламация, пѣніе, игра на гитарѣ—лирѣ, словомъ—всякаго жита по лопатѣ.

Однако, если и дальше дѣло пойдетъ такъ, то будущіе «ученые кузнецы», по пословицѣ сами должны ковать свое счастье: публики собралось очень мало. Спектакль пропелъ хорошо, и это безъ преувеличенія.

Въ «Безчестныхъ» успѣхъ выпалъ на долю гг. Словакова и Дьяконова. Первый далъ очень хорошій типъ рамолишеннаго писателя, ничего не дѣлающаго старца. Второй правдиво, жизненно, порой съ настоящимъ драматическимъ подъемомъ изобразилъ героя пьесы. Г-жа Дашкова играла хорошо, но ей, видимо, мѣшала пустой залъ. Очень сочувствую ей. Недурна была въ очень маленькой ролькѣ г-жа Венгерова. Если она займется собою, изъ нея выйдетъ актриса. Очень мило, «съ темпераментомъ», разыграна была «Страничка романа» г-жами Кондратьевой и Токарской, особенно первой.

Въ дивертисментѣ г-жа Леонова пѣла цыганскіе романсы, имитировала Отеро, Кавальери, Гальтонъ,—жанръ не всегда интересный. За то интересны былъ г. Сартинскій—Бей, хорошо игравшій на имѣ самимъ изобрѣтенномъ инструментѣ: гитарѣ-лирѣ, и пѣвшій подъ аккомпаниментъ ея.

Борисъ Криндачъ.

* * *

3 ноября въ залѣ Павловой состоится любопытный спектакль: студенты играютъ съ актрисами «Власть тьмы». Играютъ-то они, играютъ, да хорошо-ли это будетъ? Спектакль, впрочемъ, столь любопытенъ, что привлечетъ, вѣроятно, многочисленную публику, а самое главное, чтобы денегъ на взносъ платы за недостаточныхъ студентовъ было побольше.

* * *

Фарсъ. Въ бенефисъ г. Сабурова былъ поставленъ новый фарсъ «Выставка красавицъ». Это—русскій фарсъ, съ русскими именами, но нравы... совсѣмъ не русскіе. Очевидно, что и здѣсь безъ «заимствованія сюжета» не обошлось, хотя г. П. П. С. Ж., имя котораго красуется на афишѣ, объ этомъ, вѣроятно, изъ скромности умолчалъ и выдалъ песку за продуктъ собственнаго изобрѣтенія. Вся суть новаго фарса сводится къ тому, что нѣкій Мартышкинъ, старый селадонъ, мечтающій хоть чѣмъ-нибудь себя прославить, задумалъ устроить выставку знакомыхъ красавицъ. Мысль столь-же оригинальная, сколь и лестная для артистокъ театра. Въ числѣ красавицъ фигурируютъ г-жи Грановская, Кручинина, Добровольская, Морская и др., ренетирующія на сценѣ всякаго несообразности. Судя по репетиціямъ, выставка не обѣщала быть обѣебно скромной, почему, вѣроятно, полиція и не дала на нее разрѣшенія. Фарсъ оканчивается появленіемъ на

сцену городского, который привлекаетъ къ уголовной отвѣтственности всю компанію. Въ этомъ фарсѣ мила г-жа Грановская, и не лишены своеобразнаго эффека г-жи Кручинина и Морская.

Самъ бенефициантъ выступилъ въ старой пьесѣ «Налогъ на веселыхъ дамъ», знакомой публикѣ по прошлому сезону. Успѣхъ артиста, по обыкновенію, былъ шумный. Сборъ полный.

Г. Сабуровъ получилъ много подарковъ.

В. Л.

* * *

Въ Москвѣ, 27 октября, разыгралась кровавая драма, жертвой которой оказалась артистка балета Императорскихъ театровъ. Конторщикъ Маковецкій приревновалъ къ кому-то свою жену, служившую въ балетѣ и выстрѣлилъ въ нее три раза. Артистка до того растерялась, что выбивъ стекла въ рамѣ, выбросилась съ третьяго этажа. Смерть, разумеется, моментальная. Когда полиція вошла въ квартиру, то нашла мужа плавающимъ въ крови: онъ застрѣлился. Объ этомъ происшествіи много говорятъ въ городѣ.

* * *

Въ Петербургѣ въ настоящее время гоститъ сіамская труппа. Сіамскій театръ—это ликвиинны, и довольно забавныя балетныя упражненія, напоминающія «камбаджійскій танецъ», который былъ недавно нами воспроизведенъ въ рисункѣ. Главное искусство танцовщицъ выражается въ выворачиваніи пальцевъ рукъ. «Ручной балетъ», такъ сказать. Сіамская труппа дастъ нѣсколько представленій въ театрѣ «Фарсъ». Кроме того, состоится утренній спектакль этой труппы въ Императорскомъ театрѣ. Можно было бы сдѣлать изъ свободнаго утра лучшее употребленіе.

* * *

Лина Кампанна, танцовщица приглашенная въ балетъ и не допущенная къ дебюту, по газетнымъ слухамъ, предъивляетъ къ дирекціи Императорскихъ театровъ искъ о неустойкѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ съ подобнымъ же искомъ выступила бывшая артистка Михайловскаго театра, г-жа Марсіаль.

* * *

По поводу замѣтки нашей о томъ, что музыкальные критики «покушали» послѣ концерта Пюньо, мы получили письмо или «возраженіе». Во-первыхъ, оказывается, что купало всего 4 критика. Комплектъ, же музыкальныхъ критиковъ по крайней мѣрѣ вдвое больше. Во-вторыхъ, «что же тутъ зазорнаго? И кого же звать въ компанію къ артистамъ, какъ не знатоковъ и цѣнителей искусства? Чиновниковъ въ хорошемъ чинѣ, что ли, приглашать? Нѣтъ, это не европейскій, а какой-то азіатскій взглядъ на вещи!»

И такъ, мы азіаты, потому что не ужинаемъ за счетъ г. Шредера. Впрочемъ, ужинъ съѣденъ—и о чемъ тутъ разговаривать?.. Желательно было бы только, чтобы фортепیانная фірма дѣлала хорошіе роля, а если онѣ еще при этомъ будутъ гостепріимны, то чего же больше и требовать?

* * *

Къ сезону въ провинціи.

Таганрогъ. Театральная коммисія, ознакомившись съ труппою В. Л. Форкати въ спектакляхъ первой недѣли (поставлены были пьесы: «На жизненномъ пиру», «Отравленная совѣсть», «Бѣшенныя деньги», «Игра въ любовь», «Волшебная сказка», «Бракъ», «Соколы и вороны», и «Коварство и любовь»), пришла къ тому заключенію, что въ общемъ составъ труппы г. Форкати слѣдуетъ считать удовлетворительнымъ, почему нѣтъ надобности прибѣгать къ требованію замѣны кого-либо изъ артистовъ другимъ. Рецензія благоприятная.

На станціи «Таганрогъ» существуетъ кружокъ для доставленія разумныхъ развлеченій желѣзнодорожнымъ служащимъ. На дняхъ состоялось собраніе членовъ означеннаго кружка для выбора и распредѣленія обязанностей между должностными лицами. Предсѣдателемъ кружка избранъ С. Л. Балинскій; вице-предсѣдателемъ—П. П. Петровъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ избранъ распорядителемъ по устройству народныхъ чтеній. Распорядителемъ по устройству спектаклей избранъ—П. Я. Собениковъ, а помощниками его и замѣстителями Г. В. Гонинъ и Н. Н. Жекулинъ.

Николаевъ. Театръ на зимній сезонъ снятъ опереточною труппою Г. Новикова, пострадавшей, какъ извѣстно, при пожарѣ Ялтинскаго театра.

Ялта. Антрепренеръ сгорѣвшаго театра С. Н. Новиковъ вступилъ въ сношеніе съ ялтинскимъ управленіемъ имѣніями гр. Мордвинова и предполагаетъ построить лѣтній театръ на отводимой ему въ Морвиновскомъ паркѣ землѣ въ количествѣ 3 десятинъ. Здѣсь будетъ разбитъ садъ, построенъ ресторанъ и театръ. Г. Новиковъ уже нашелъ себѣ компаньона въ лицѣ арендаторовъ городского сада бр. Соколовыхъ.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ АРТИСТКИ.

В. Н. Пшесецкая.

Г-жа Терехова.

Севастополь. 8-го октября въ городскомъ театрѣ начались спектакли малороссійской труппы г. Суходольскаго.

Казань. 1 июля 1901 г. оканчивается срокъ аренды городского театра М. М. Бородаемъ. Поэтому одинъ изъ гласныхъ заявилъ еще въ маѣ о необходимости вызова конкурентовъ на аренду театра путемъ публикацій. Заявленіе это было своевременно разсмотрѣно, совмѣстно съ поступившими заявленіями о желаніи снятъ театръ. Пока претендентами являются Н. М. Шерпаньеръ, М. Ф. Салтыковъ и М. М. Бородай. Первый, снимая театръ на 2 года, предполагалъ поставить полъ-сезона драму и полъ-сезона оперу, второй предлагаетъ взять театръ на 4 года, при чемъ въ первый сезонъ предполагаетъ ставить одну оперу, а въ остальные три драму и оперу, наконецъ М. М. Бородай, снимая театръ на два года на прежнихъ условіяхъ, предлагаетъ ставить зимою одну драму, а въ течение Великаго поста до 1 мая русскую оперу. Театральная коммисія означенныя заявленія представила думѣ, объяснивъ, что желательно, не ограничиваясь имѣющимися предложеніями, продолжать вызовъ желающихъ арендовать городской театръ.

Вслѣдствіе этого Дума въ послѣднемъ засѣданіи поручила управѣ помѣстить публикацію въ театральной газетѣ о вызовѣ антрепренеровъ, собрать контракты изъ другихъ городовъ для выработки условій и войти въ то же время въ сношенія съ М. М. Бородаемъ объ арендѣ имъ театра на новыхъ условіяхъ.

Пермь. Съ 28 сентября по 12 октября дано было 10 спектаклей. Весь валовой сборъ за это время достигъ суммы 3714 руб. 67 коп., т. е. въ среднемъ, на каждый платный спектакль приходится — 412 руб. 74 коп.

Тула. Драма. Антреприза г-жи Майеровой. Составъ труппы: г-жи Н. Д. Рыбинская—героиня, Любатовичъ, Надеждина (изъ театра Петерб. Почетительства)—ingenue, Никитина—grande dame, Лавровская, Орлова. Гг. Даро-Владиміровъ, Грубинъ, Лаухинъ—драм. резонеръ, Востоковъ—комикъ-резонеръ, Тимиревъ (изъ петерб. театровъ)—комикъ-буффъ, Костинъ, Ланко, Нацилевичъ, Смирновъ. Режиссеръ А. П. Грубинъ. Пом. режиссера—Смирновъ, суфлеръ—Серебрянниковъ, декораторъ—Кузнецовъ. Открытіе состоялось 22 октября пьесой «Въ старые годы». Для второго спектакля шли «Нищие духомъ».

Бердянскъ. Драма. Составъ труппы: г-жи А. А. Кручинина (героиня), К. П. Новицкая (ingenue), П. А. Максимова (грандъ-дамъ и драм. старуха), Е. К. Семенова-Звѣздичъ (эженюкомъ и водевилн. съ пѣніемъ) и А. К. Пчелка (комическая старуха). Мужской персоналъ: В. Н. Киселевъ (герой-любовникъ), П. И. Чардынинъ (1-й любовникъ), П. Н. Максимовъ (драм. резонеръ), І. П. Осиповъ фатъ (любовникъ), С. С. Лидинъ (комикъ), И. А. Рошинъ (простакъ и водевилн. съ пѣніемъ) и В. А. Долинскій (комикъ-резонеръ). Суфлеръ М. А. Сарматовъ.

Ярославль. Въ «Нов. Вр.» пишутъ: Общество для содѣйствія народному образованію въ Ярославской губерніи обратилось въ думу съ просьбою о безвозмездномъ отводѣ участка городской земли, необходимаго для постройки народного дома. Дума отнеслась сочувственно къ начинаніямъ общества и почти единогласно постановила поручить городской управѣ приготовить докладъ о свободныхъ земельныхъ участкахъ.

На томъ же засѣданіи, однако, явилась и оппозиція. Г. Чистяковъ (гласнаго мѣстной думы), заявилъ, что ходатайство Общества

слѣдовало бы отклонить въ виду того, что для города убыточно уступать задаромъ земли, приносящая доходы въ городскую кассу, что имя основателя русскаго театра не такъ ужъ велико въ исторіи умственного развитія русскаго общества, чтобы стоило увѣковѣчивать его такимъ дорогимъ образомъ, что народу нуженъ хлѣбъ, а не зрѣлища, и такъ далѣе.

И это говорится тамъ, гдѣ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ такъ пышно праздновался юбилей русскаго театра!.. Ну, и нравы...

Письмо въ редакцію.

М. Г. г. Редакторъ! Приступая къ составленію біографіи покойнаго артиста В. Н. Андреева-Бурлака, позвольте мнѣ черезъ посредство Вашей уважаемой газеты обратиться съ просьбой къ лицамъ, знавшимъ В. Н., сообщить мнѣ свѣдѣнія о немъ. Все присланное, по снятіи копій, будетъ съ глубокой благодарностью возвращено авторамъ.

В. Н. Ребровскій.

Г. Москва, Брюссовскій пер. №№ «Дагмара».

Покорнѣйше прошу другія газеты перепечатать это письмо.

Гастроли Зонненталя.

Зонненталь вторично посѣщаетъ Петербургъ. Въ настоящее время это уже „глубокой“ старикъ, по возрасту. Ему 70, а по другимъ свѣдѣніямъ 72 года. По бодрости, подвижности, самообладанію у него поразительныя. Всего же поразительнѣе его голосъ—полный, звучный, молодой. Сколько работы, видно, было положено на этотъ голосъ!

Для перваго выхода Зонненталь выступилъ въ „Натанъ Мудромъ“. Артистъ даетъ цѣломудренно-чистый, прекрасный, какой-то лучезарный обликъ Натана. Не сухой философъ-метафизикъ передъ нами, но живая, благостная душа. Знаменитую басню о трехъ перстняхъ Зонненталь читалъ удивительно красиво и трогательно, и въ то же время очень просто, безъ всякихъ „гастролерскихъ штучекъ“.

23 октября Зонненталь выступилъ въ драмѣ „Дочь г-на Фабриціуса“, извѣстной въ русскомъ переводѣ подъ названіемъ „Огъ судьбы не уйдешь“. До времени посѣдѣній, съ первыми дрожаніемъ рукъ, отучившійся въ одиночномъ заключеніи говорить, старикъ Фабриціусъ послѣ 24 лѣтъ тюрьмы получилъ свободу. Въ костюмѣ приличнаго оборванца безъ всякаго признака бѣлы, но съ цилиндромъ въ рукахъ, со странно раскрытыми, привыкшими къ полутьмѣ глазами, этотъ человѣкъ кажется чужимъ, Богъ вѣсть откуда взявшимся. Зонненталь на рѣдкость схватилъ его

облики. Онъ едва началъ говорить, но вы уже знаете его судьбу и уже страдаете съ нимъ. Посмотрите, какъ онъ входитъ въ комнату: робко, осторожно, съ подозрѣнiемъ, что на него сейчасъ прыкнутъ, выпонять, выругаютъ. Параллельно съ этимъ, припомните его увѣренную, прямую походку при явкѣ къ слѣдователю: здѣсь ему, истрепанному по судамъ—знакомо все; онъ знаетъ даже, что скамья для него будетъ слѣва у входа и, не глядя, прямо поворачивается къ ней—это очень тонко проведено артистомъ.

Признание въ убійствѣ (II актъ) Зонненталь ведетъ просто и чрезвычайно трогательно. Онъ привыкъ къ тому, что люди считаютъ его извергомъ, отребьемъ, и знаетъ, что ему не мѣсто въ „компаніи человѣческой“. Тонкая подробность: когда Рольфъ, выслушавъ разсказъ объ убійствѣ, невольно отступаетъ въ сторону, Зонненталь, захвативъ цилиндръ, этотъ „комическій“ цилиндръ, идетъ покорно къ дверямъ... Его поразительно богатый голосъ, неподражаемая мимика и реалистическія подробности игры заставляютъ совершенно забыть недостатки этой пьесы, превращая нѣсколько ходульное лицо раскаявагося „злодѣя“ въ живую, художественный образъ. Въ сценѣ, гдѣ Фабриціусъ проklinаетъ жену, онъ показанъ мнѣ слабѣе. Вообще, бурный драматизмъ выходитъ у Зоннентали не такъ ярко. Впрочемъ, и годы не тѣ. Зато въ послѣднемъ дѣйствіи—у слѣдователя—Зонненталь опять великолѣпно. А крикъ, вырвавшійся изъ глубины сердца: „Meines Kindes Kind!“—этотъ крикъ буквально потрясѣніи залъ!

25 октября — „Нарциссъ“, драма Врэхгогеля. Нарциссъ это странное существо, чудака, оригиналъ; несчастіе, поразившее, правдивѣе, произшедшее его въ молодости, положило печать на всю жизнь, сдѣлало его неключимымъ существомъ, артистической натурой. Есть такіе лица, которыхъ сильное потрясеніе дѣлаетъ „артистическими натурами“—такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Зонненталь. Плохой актеръ на подмосткахъ, онъ наполону искренно актерствуетъ въ жизни. Посмотрите на эти „живописныя“ лохмотья, на гордо поднятую голову, на актерское частое пожатіе плечъ, обротившееся въ привычку, послушайте интонацію могучаго голоса, не знающаго что такое шепотъ, и этотъ странный звукъ, искусственный беззаботности—„эхъ-нэ!“ По въ душѣ его живутъ поэзіи и любовь и безмѣрное состраданіе: не даромъ двѣ „большія“ женщины, изъ которыхъ одна была маркиза Помпадуръ, беззаветно и долгіе годы любятъ этого оригинала; не даромъ и онъ самъ любитъ женщину, обжавшую отъ него, и черезъ много лѣтъ плачетъ при воспоминаніи о быломъ счастьи...

Катастрофа, мастерски подготовленная сложнымъ механизмомъ придворной интриги—свершилась. Помпадуръ узнала своего мужа, а Нарциссъ—долго искомую жену. Мнѣ показалось эта сцена холодной и даже не эффектной: можетъ быть, Зонненталь берегъ экономно свои силы для соблюденія общей сценической мѣры... Зато дальше онъ развернулся. Недоумѣвающимъ взглядомъ осматриваетъ онъ дорогой парядъ жены. Но вотъ произнесено имя Помпадуръ. Онъ медленно безсознательнымъ движеніемъ сбрасываетъ съ себя красный плащъ актера—дивная подробность, полная глубокаго символическаго смысла!.. Передъ поведительницей Франціи теперь большой ребенокъ, съ больной, тоскующей душой... Онъ судья, онъ и страдалецъ... И когда безуміе охватываетъ этотъ бѣдный, измученный мозгъ, чувствуешь, что свершилось высшая справедливость и высшее милосердіе. Нарциссъ умираетъ. Онъ не можетъ болѣе жить. Не для чего, не чѣмъ...

Послѣ двухъ пьесъ пѣсочкаго репертуара, крайне интересно было посмотреть знаменитаго артиста въ „Père prodigue“ Дюма. Лицо, фигура, подраживающая походочка, и этотъ тонъ французской свѣтскости и самый стиль Дюма—были переданы Зонненталемъ въ совершенствѣ. Онъ напомнилъ мнѣ другаго маститаго артиста, А. Февра, вышедшаго уже изъ состава „Comédie Française“, съ чарующею граціею его діалога, съ этою необыкновенною простотою средствъ, нужныхъ для характеристики, въ которыхъ нѣтъ ничего лишняго. Никакой игры въ простоту, но сама простота; ни слѣда жеманства или погони за эффектами.

О другихъ спектакляхъ Зоннентала въ слѣдующемъ номерѣ. Про его игру пріятно разсказывать—какъ-будто перебираешь въ памяти что-то очень хорошее и отрадное.

Н. Неуревъ.

Письмо изъ Кіева.

19-го октября, въ городской думѣ происходило обсужденіе контракта, заключаемаго городомъ Кіевомъ съ г. Бородаемъ, а произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное: М. М. Бородай отказался отъ аренды городского театра. Дѣло сорвалось изъ-за гривенника...

Серьезно. «Тишайшій» Михаилъ Матѣевичъ все былъ готовъ претерпѣть: 24,000 р. арендной платы, взимаемой за мѣсяцъ впередъ, безчисленные штрафы, явно и скрыто, подобно «тайнымъ мелямъ», пестрившимъ всѣ сорокъ три (съ примѣчаниями) параграфа городского контракта, но гривенника не уступилъ... Не могъ. «Мнѣ, вѣроятно, думалъ онъ, можетъ быть, только этотъ гривенникъ и останется, а вы и его хотите оттягать».

«Не могу-съ, раль-бы, но не могу-съ!.. Свыше силъ...» «И почтительно отвѣсивъ собранію три низкихъ поклона, г. Бородай вышелъ изъ думскихъ чертоговъ».

«За отказомъ г. Бородая, обсужденіе договора на аренду городского театра прекращается, дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ»—провозгласилъ городской голова, будучи, такъ сказать, на высотѣ историческаго момента.

Теперь позвольте разсказать, какимъ образомъ произошла сія бородаевская конфузія.

Вамъ уже извѣстно, что кіевская городская дума представляетъ изъ себя нѣкоторое подобіе австрійскаго парламента; интересы думскихъ партій такъ же противоположны и несогласимы между собою, какъ и интересъ національныхъ партій въ австрійскомъ государственномъ учрежденіи; способы защиты ихъ вполнѣ сходны, до рукоприкладства включительно.

Очевидно, имѣя дѣло съ такимъ учрежденіемъ, должно притворяться къ всѣмъ неожиданностямъ, а потому, отъправляясь на думскіе хоры слушать обсужденіе контракта, заключаемаго городомъ съ г. Бородаемъ, я почти былъ увѣренъ, что обсужденіе сіе добромъ не кончится. Были этакіе зловѣщіе признаки. Покуда дебатировались четыре первыхъ варіаціи штрафовъ,—иначе я не умѣю назвать характеръ обсужденія первыхъ четырехъ параграфовъ городского контракта, налагаемыхъ городомъ на влонолучнаго арендатора городского театра,—дѣло шло гладко. Гласные соперничали другъ съ другомъ въ изобрѣтательности казуистическихъ «поводовъ» и «причинъ», дающихъ право закланія театальной коммиссіей г. Бородая. Всѣ старались: были обсуждаемы всевозможные подвохи со стороны контрагента и изобрѣтались способы имъ противостоянію; господа юристы даже услужились въ корень вещей и поспорили слегка о «существованіи» правъ. Словомъ, все обстоило благополучно.

Но, когда председатель театальной коммиссіи приступилъ къ чтенію текста 6-го параграфа, опредѣляющаго условія помѣзованія хозяйственными статьями театра: бухгалтеромъ, вѣщалькой и т. п., прибавилъ при этомъ, что г. Бородай подалъ заявленіе о томъ, что онъ усматриваетъ въ настоящей редакціи нѣкоторыхъ пунктовъ этого параграфа нарушеніе предъявленныхъ ему предварительно основныхъ условій контракта и согласиться на заключеніе его въ такомъ видѣ не можетъ. Я сразу понялъ, что собака зарыта именно здѣсь и обсужденіе первыхъ пяти параграфовъ было только интродукціей къ предстоявшей симфоніи.

Дѣло съ формальной стороны представлялось въ такомъ видѣ: городъ, ограждая интересы публики, постановилъ взимать плату за храненіе верхняго платья при слачѣ его, непосредственно капельдинеру. Г. Бородай усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе своихъ интересовъ и «почтительнѣйше» просилъ городъ разрѣшить взимать этотъ сборъ въ театальной кассѣ. Несмотря на то, что председатель театальной коммиссіи доложилъ думѣ просьбу г. Бородая предстать предъ очіи блистательнаго собранія и подробно мотивировать свое несогласіе съ настоящей редакціей 6-го параграфа, собраніе сочло это излишнимъ и представительство г. Бородая было отклонено. Дума рѣшила, что она лучше сумѣетъ сохранить интересъ г. Бородая, чѣмъ онъ самъ, и постановила обсуждать и этотъ параграфъ безъ его участія.

Не чувствуя себя въ силахъ передать послѣдовавшія затѣмъ думскія пренія во всей ихъ картинности, я ограничился указаніемъ, что центральнымъ пунктомъ состязанія ораторовъ было указаніе на то обстоятельство, что способъ взиманія платы за храненіе платья въ театальной кассѣ неизбежно приведетъ къ двойному налогу на публику, которая де, какъ это теперь практикуется въ театрѣ г. Соловцова, будетъ платить и въ кассѣ и при вѣшалкѣ. Резонъ несомнѣнный. За чѣмъ публика будетъ платить антрепренеру постоянно налогъ за храненіе платья, когда, она, какъ, напр., лѣтомъ является въ театръ безъ платья, т. е. безъ верхняго, разумѣется?.. «Или антрепренеръ сниметъ съ меня и сюртукъ?»—ехидно спрашиваетъ гласный Яронъ.

Возраженія на эти, повидимому, резонные доводы были слабы и сантиментальны. Очевидно, сторонники г. Бородая были менѣе подготовлены къ такому обороту дѣла и, что на-

ТЕАТРЪ «ФАРСЪ».

Сцены изъ фарса «М-ме Коралли». (Рис. А. Любимова)

зывается, спассовали. Оставалось выслушать возражения самого г. Бородая. Дума обязана была это сдѣлать. Весь смысл договора заключался въ взаимно-выгодномъ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ. Но г. городской голова рѣшилъ иначе. Онъ совершенно неожиданно устраиваетъ голосованіе, самъ вотируетъ за компромиссъ съ Бородаемъ и остается въ меньшинствѣ... Большинствомъ одного голоса дума постановляетъ, — взимать плату за храненіе верхняго платья при вѣшалкахъ.

Призываютъ г. Бородаю для объявленія ему приговора. Г. Бородай, очевидно, сбитый съ толку столь неожиданнымъ поворотомъ дѣла, страшно волнуется, лепечетъ что-то вродѣ благодарности за оказанную ему честь и въ концѣ концовъ категорически заявляетъ: «Не могу-съ!..» Поднимается неописуемый гвалтъ, заливаясь дребезжить колокольчикъ головы, и дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ.

Второй актъ «комедіи о сдачѣ въ аренду кievскаго городского театра» кончился. Наступилъ антрактъ, попробуемъ разобраться въ впечатлѣніяхъ. Ближайшей причиной преждевременной гибели городского контракта была неспособность г. Сольскаго руководить преніями. Его поспѣшная немотивированная баллотировка односторонне освѣщенного вопроса, давшая случайное и для него самого нежелательное рѣшеніе, какъ нельзя лучше это доказываетъ. Отказъ думы выслупать мнѣніе г. Бородая, это грубое нарушеніе его права, какъ договаривающейся стороны. Вѣдь, каковы ни были-бы доводы г. Бородая, дума должна была принять ихъ въ соображеніе, а затѣмъ за ней всегда оставалось право согласиться съ ними или ихъ отвергнуть. Но вызывать человѣка за тысячи верстъ только для того, чтобы въ грубой, не имѣющей себѣ оправданія формѣ, вынудить у него отказъ отъ аренды, произвольнымъ измѣненіемъ условий, раньше предложенныхъ, этому нѣтъ приличнаго названія. Быть можетъ, подобныя операціи исполнѣ въ нравахъ и обычаяхъ, наполняющихъ кievскую думу дѣльцовъ, но врядъ ли ону допустими въ общественной дѣятельности общественнаго учрежденія.

Г. Бородай, поставленный въ болѣе нормальныя условія, легко могъ-бы опровергнуть картинныя «инспираціи» г. Ярона и компаніи. Онъ могъ-бы сказать: «господа, о чемъ собственно вы хлопочите? О томъ, чтобы публикѣ не пришлось два раза платить за храненіе платья? Но вѣдь двойное взиманіе платы не есть нѣчто фатально связанное съ взиманіемъ ея въ театральнѣй кассѣ, это просто безпорядокъ внутренняго управленія, допускаемый въ частныхъ театрахъ, п. ч. онъ выгоденъ антрепренеру или собственнику театральнаго зданія, берушаго въ кассѣ за храненіе платья и сдающаго вѣшалки въ аренду... Другое дѣло театръ городской, здѣсь нѣтъ простору антрепренерской изобрѣтательности, а разъ прислуга будетъ получать опредѣленное жалованье, то всякая попытка съ ея стороны на полученіе съ публики бенефіцій должна разсматриваться какъ проступокъ по службѣ, за который, смотря по обстоятельствамъ, можетъ послѣдовать немедленное

удаленіе токового служащаго изъ театра. Это вопросъ дисциплины театральнѣй прислуги, и только.

Но изъ того, что съ публики *можетъ быть* потребованъ лишній гривенникъ, вовсе не вытекаетъ необходимость *на-вѣрно* лишать меня сотенъ рублей дохода, принадлежащаго мнѣ по праву, произвольно уступая его въ пользу третьихъ лицъ, неимѣющихъ къ городу никакого отношенія... Вотъ что, и еще многое другое могъ-бы сказать г. Бородай, если-бы имѣлъ дѣло съ собраніемъ людей болѣе благовоспитанныхъ, привыкшихъ съ большимъ уваженіемъ относиться къ чужому мнѣнію и интересу и неослѣпленныхъ собственнымъ величіемъ до потери сознанія окружающей дѣйствительности. И кто знаетъ—голосъ большинства, давшій торжество рѣшенію, противному интересамъ г. Бородая, поколебался-бы, если-бы не перешелъ рѣшительно на сторону послѣдняго. Я-бы поступилъ такъ непременно; ужъ за одно то, что Бородай безстрашно идетъ на всѣ безчисленные штрафы городского контракта, относительно котораго одинъ впечатлительный гласный справедливо воскликнулъ: «это, господа, не контрактъ, а какое-то уголовное законодательство»!

Но, можетъ быть, г. Бородаю слѣдуетъ видѣть въ этомъ перстъ благожелательнаго Провидѣнія, избавившаго его отъ тяжкаго и неудобносоимаго бремени...

Н. Николаевъ.

„Все въ прошломъ“.

На старости я сизнова живу;
Минувшее проходить предо мною...

А. Пушкинъ.

На одной изъ выставокъ я долго простоялъ предъ картиной В. М. Максимова, подписанной: „Все въ прошломъ“. У крыльца небольшой усадьбы, за чайнымъ столомъ, въ теплый лѣтній день, сидятъ двѣ старушки. Въ большомъ покойномъ креслѣ, съ подушками за спиной и подъ ногами—словно заснула барыня въ старомодномъ чепцѣ и старинномъ нарядномъ платьѣ. У ногъ ея дремлетъ старый песъ, уткнувъ голову въ лапы. По другую сторону стола, на ступенькахъ крылечка, сидитъ старуха—прислуга съ вязаньемъ въ рукахъ... Въ перспективѣ видимъ старый барскій домъ съ колоннами, съ балкономъ, но съ забитыми окнами, и со слѣдами разрушенія кругомъ... Въ воображеніи встаютъ картины прошлаго: домъ наполняется жизнью, окна раскрыты, а изъ нихъ несется шумъ суетливой барской жизни; звонкій, веселый смѣхъ раздается съ балкона, гдѣ въ рамкѣ люща, обвиняющаго домъ, сидитъ красивая дѣвушка, цвѣтущая юной прелестью; ея смѣющихся глаза полны выраженія радости и застѣнчивости; щеки горятъ яркимъ румянцемъ. Плутуватая, тоже молоденькая горничная наперсница что-то тихо говоритъ барышнѣ, указывая на садъ, а въ глубинѣ аллеи быстро идетъ, звеня саблѣй, мо-

лодой красавецъ гусаръ... Такъ и кажется, что подобныя картины проходятъ передъ глазами этихъ двухъ старыхъ женщинъ...

Я вспомнилъ эту картину и настроеніе, охватившее меня, когда я стоялъ передъ ней, — нѣсколько дней тому назадъ. Мнѣ случайно пришлось попасть въ пріютъ для престарѣлыхъ артистовъ, что на Шетровскомъ островѣ... Живутъ тутъ люди, у которыхъ тоже все въ прошломъ... Здѣсь находятся артистки: Измайлова, Боброва, Чарская, Рославская-Ромашкова, двѣ сестры Александровы, Васильева-Гладкова, Качевская, Волкова, Каратыгина и артисты: Карауловъ и Арсеньевъ-Жуковъ. Я очень сожалѣю, что мнѣ не удалось въ это посѣщеніе хорошо познакомиться со всѣми почтенными обитателями пріюта. Какъ много интереснаго можно услышать отъ каждого изъ нихъ. Какъ много воспоминаній, какое интересное прошлое!... Всѣ они — послѣдніе могикане блестящей поры русскаго драматическаго театра; всѣ они отдали лучшіе годы жизни на служеніе родному искусству, и имена ихъ найдутъ почетное мѣсто въ исторіи русскаго театра...

Мнѣ удалось услышать нѣсколько отрывочныхъ воспоминаній г-жи Бобровой. Ей 92 года, но это живая, бодрая, симпатичная старушка, съ быстрой, торопливой рѣчью, прямо удивительной въ ея возрастѣ.

„Я видѣла съ Мочаловымъ“, — говоритъ она, когда разговоръ зашелъ о предстоящемъ чествованіи памяти великаго артиста, — „до сихъ поръ помню это, хотя многое уже забываю и путаю... Это было такъ давно... Къ намъ, въ Кадугу, пріѣхалъ на гастроли Мочаловъ и, по усиленной просьбѣ антрепренера, согласился играть пьесу „Мочаловъ въ провинціи“, написанную на него. Представте себя, какъ это было интересно, когда самъ Мочаловъ изображалъ себя... Я какъ сейчасъ вижу его. Онъ, видѣ, былъ небольшого роста, но широкоплечій, черныи и сильный. Говорю сильный потому, что я играла съ нимъ въ „Скопиниѣ Шуйскомъ“. Онъ игралъ Шуйскаго. Въ сценѣ съ Фидлеромъ онъ бралъ его за спину и выбрасывалъ въ окно, чѣмъ, конечно, страшно поражалъ при своей небольшой фигурѣ. И откуда такая сила явилась въ немъ! Какъ онъ игралъ — я передать не могу, — но только игралъ онъ необыкновенно сильно и страстно, — да, это былъ геній!“

Въ четверть часа, которую я пробылъ въ пріютѣ, я не могъ подробно ознакомиться съ богатыми воспоминаніями, которыми могли бы подѣлиться, славныя своимъ прошлымъ, симпатичныя артистки и артисты. Въ ближайшемъ будущемъ я постараюсь исправить это и подѣлюсь всѣмъ, что услышу, съ читателями... Пока же долженъ сказать, что пріютъ и въ настоящемъ своемъ видѣ производитъ впечатлѣніе семейнаго дома, а не богадѣльни. Повидимому, всѣ, въ немъ живущіе, чувствуютъ себя хорошо и спокойно. Въ недалекомъ будущемъ закончится постройка новаго прекраснаго каменнаго дома для пріюта, гдѣ условія жизни будутъ несравненно лучше и удобнѣе... Новый пріютъ разсчитанъ на 40 человѣкъ.

Искренно желаю каждому изъ сценическихъ дѣятелей заглянуть въ пріютъ и, познакомившись съ его обитателями, вынести то же чувство благоговѣнія. Ихъ имена принадлежать уже исторіи театра, а они вонъ сами передъ нами, — живые, еще полные интереса ко всему, что происходитъ на современной сценѣ... Нельзя не преклониться съ уваженіемъ предъ этими живыми памятниками блестящей эпохи великаго театра, когда любилъ его страстно и искренно, когда о немъ писали, имъ волновались такіе незабвенные, дорогіе писатели, какъ В. Г. Вѣлискій и Добролюбовъ.

А. Ермаковъ.

Смерть актера Задонскаго.

(Окончаніе).

II.

Задонскій любилъ только себя — собственно свое тѣло — и во всѣ тридцать шесть лѣтъ ни разу не подумалъ о чужихъ страданіяхъ. Оттого, мало-по-малу, онъ полюбилъ свою болѣзнь...

Онъ полюбилъ эти хлопоты вокругъ него, ледъ на головѣ, спертый нехорошій воздухъ, мечты о выздоровленіи, разговоры про подписку, про доктора, необычное время и качество ѣды, „сквознякъ“ который былъ не причеиъ и, главное, то сожалѣніе, которое онъ, Задонскій, конечно, во всѣхъ возбуждаетъ... Онъ полюбилъ пугать Юшу своимъ положеніемъ и своей скорой смертью...

Вечеромъ, когда набѣгавшійся и измученный хлопотами, Юша возился въ углу со своими цифрами (онъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ вычислялъ, кто и сколько ему долженъ, и всегда сидѣлъ безъ копейки), Задонскій принимался за свои шутки.

— Юшечка!

— Триста шестнадцать, сорокъ... Н-да!

— Мнѣ очень нехорошо. Я, должно быть, буду сейчасъ бредить.

— Да, что вы? Ничего общаго... Триста сорокъ восемь.

— Нѣтъ, я буду бредить, убѣжденно говорить Задонскій.

Нѣсколько минутъ все тихо. Гдѣ-то скрипитъ неплотно прикрытая дверь. Юша подсчитываетъ пятую сотню... Большой, видимо, уснулъ.

— Меня хотять убить, раздается вдругъ хриплый шопотъ. Мнѣ не вѣрятъ... Отказываются отъ подписки? Луна, сырѣ, чернильница... Сквознякъ, уходи отъ меня!.. Душить, душить!.. кровь!

Юша, спутавъ свои цифры, начинаетъ пугаться; ему кажется, что больной вдругъ вскопичить и начнетъ его душить... Виѣ себя отъ ужаса, онъ уже помышляетъ о томъ, чтобы скрыться въ коридоръ; къ счастью, монологъ прекращается и минутъ чрезъ пять больной сиршивается:

— Я бредилъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ актерикъ, боясь разстроить товарища.

— Я бредилъ! упрямо повторяетъ тотъ.

— Не было слышно.

— Неправда, слышно!.. Задонскій начинаетъ сердиться: мнѣ казалось, мнѣ снилось, что кровь, что уже конецъ...

— Немного про сквознякъ только, соглашается Юша.

— А луна, сырѣ?.. Я все помню. Видишь, Юшенька, до чего дошла болѣзнь. Я бредилъ, я ничего не сознаю, я не сплю...

Часто по ночамъ Мѣшочекъ слышалъ какіе-то дикіе, глухіе стоны и потомъ голосъ Задонскаго:

— Ты спишь, Юшечка, спишь? спишь?..

Окончательно проснувшись, актерикъ слышалъ:

— Мнѣ снилось: что я въ могилѣ, что... Какъ называется этотъ вѣтеръ, что меня схватилъ?

— Сквознякъ.

— Да, ско... взнякъ! Я чувствовалъ, какъ онъ заходилъ мнѣ въ кости, въ мозгъ. — Ты спишь? спишь? продолжаетъ шептать больной такимъ голосомъ, что въ сосѣдней комнатѣ кто-то начинаетъ громко про-клинять день своего рожденія.

Прошло нѣсколько дней и въ положеніи больного все-же произошло замѣтное улучшеніе. Пузырь со льдомъ почти исчезъ. Товарищи, одинъ высокій, рыжій, незамѣтно стащившій со стола двугривенный, и другой, забитый, все думающій о фдѣ, были два раза и потомъ перестали являться. Приходила какая-то актриса на великосвѣтскія роли, но она не давала Задонскому говорить, а сама трещала безъ умолку. Подписка тоже шла туго: Юша внесъ двадцать пять копѣекъ и „отъ неизвестнаго“ съ припискою „споткнувшемуся таланту“—5 рублей.

Такъ тянулись жаркіе, душные іюльскіе дни... Задонскій лежалъ сытый, потный, жирный, съ маленькими покраснѣвшими глазками и думалъ все нехорошія, невеселыя думы. Скверно жить на свѣтѣ, скверно. Лежишь одинъ, всѣми брошенный, больной. Никто не интересуется, не спрашиваетъ, не заходитъ... Дверь гдѣ-то скрипитъ уже четвертыя сутки подъ рядъ... Мухи вонъ засидѣли картину; вчера самоваръ подали нечищенный, съ угаромъ... Скверно, очень нехорошо. Гдѣ-то въ деревнѣ есть у него мать, глупая маленькая старушка. Не знаетъ она ничего, не вспоминаетъ...

Отъ этого неожиданно всплывшаго воспоминанія актеру дѣлается невыразимо грустно и тягостно... Онъ высвобождаетъ уголь простыни и утираетъ имъ слезы.

Вотъ позвонили. Не къ нему ли? Слышны шаги, ближе. Толстый, видно, ходитъ. Не Емельянъ ли Андреевичъ? Или Пичужкинъ. Да, да, Пичужкинъ. Но шаги удаляются. Прошелъ мимо. Задонскій тоскливо смотритъ на картину, засиженную мухами, и думаетъ о старости и о смерти. Онъ вспоминаетъ рыжаго, высокаго актера и сердится. „Экая скотина, стащилъ двугривенный, каналья! Товарищ умираетъ, а онъ двугривенный тащить. Подлость, подлость!“

Задонскому дѣлается тогда до нелзя обидно и горько, и на глазахъ выступаютъ слезы.

Никто ему не сочувствуетъ. Рыщутъ по городу, чортъ знаетъ гдѣ таскаются, а здѣсь артистъ умираетъ. Идолы! Пить хочется, пива.

Задонскій звонитъ, зоветъ горничную и посылаетъ за пивомъ.

— Скажи для больного! Они уже знаютъ, поясняетъ онъ и думаетъ: что они знаютъ?

— Хорошо,—отвѣчаетъ чухонка.

— Скажи, чтобы... они уже знаютъ. Ступай! не попадайся.

Когда приносятъ пиво, Задонскій, ни съ того, ни сего, вспоминаетъ про свою фамилію. Экая проклятая кличка — Келейко. Онъ выпиваетъ два стакана холоднаго пива. Ему становится сразу хуже, и что-то ударяетъ въ голову. Что онъ надѣлалъ! Развѣ можно пить ему пиво?

Слезы показываются на его глазахъ и холодъ ужаса охватываетъ его. Поспѣшно сбросивъ одѣяло, онъ принимается растирать руку, грудь, затылокъ и животъ изо всѣхъ силъ. Потомъ, чувствуя, что согрѣлся, онъ накрывается одѣяломъ, вытягиваетъ ноги и лежитъ неподвижно. Съ улицы доносятся неясные звуки шумящаго живой жизнью города. Скрипитъ дверь... Отъ экипажнаго стука трясется рама и звенятъ стекла. Опять вспоминается украденный двугривенный, скверная фамилія... Двѣ мухи, какъ тогда на платформѣ, начинаютъ кружиться вокругъ глазъ, ушей и носа.

Задонскій встаетъ, на цыпочкахъ подкрадывается къ ведру со льдомъ, и торопясь, проглатываетъ нѣсколько кусковъ.

Вечеромъ Задонскій рассказывалъ:

— Я почувствовалъ вдругъ, какъ вѣтеръ заходитъ мнѣ въ кости и въ мозгъ. Сквознякъ, сквоз... да!—прошепталъ больной, съ усиленіемъ поднимая руку. Скверно мнѣ, худо. Память измѣнять начала. А докторъ сказалъ, что... что... чей выходъ?..

Онъ сбивается и начинаетъ бормотать. Юша спокойно продолжаетъ подсчитывать свои цифры.

Больной лежитъ и тяжело дышетъ; отъ ввалившихся щекъ пышетъ зловѣщимъ жаромъ; спутанные, вьклокоченные волосы порѣдѣли и посѣдѣли; малень-

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

«Каролина Нейберъ», др. В. Карсина. (Смерть Нейберъ).

кіе сонные больные глазки тупо смотрятъ на всѣхъ. Опять скрипитъ дверь и жужжать вокругъ ушей мухи... Скверно. Душно.

— Позвольте доказать, — шепчетъ для чего-то больной, и потомъ, сообразивъ, произноситъ:

— Юшечка!

— Да!

— Скверно... Бредъ... Жаръ у меня. Охъ! Скверно...

Юша, которому помѣщали въ его счетахъ, наконецъ, выходитъ изъ себя и рѣзко отвѣчаетъ:

— Скверно! Мнѣ скверно, а сами все поправляйтесь!.. Стыдъ!

Странное дѣло: Задонскій ничего не отвѣтилъ и часа три въ комнатѣ царилъ тяжелое молчаніе. Думалъ ли онъ о новой своей обидѣ, или о старой матери, или о глупо прожитой жизни? Что-то жалкое, безпомощное, какая-то складка недоумѣнія появилась на лицѣ больного.

— Я ужъ такъ всегда, говоритъ Задонскій, съ трудомъ переводя дыханіе и чувствуя во всемъ тѣлѣ страшную слабость: вотъ вы увидите... Я самъ до всего добился. Я никому ничѣмъ не обязанъ... своими собственными силами. Сарданапалъ... произносить онъ вдругъ, и останавливается.

— Я бредилъ? говоритъ онъ черезъ нѣсколько мгновений. Юша... Миленькій... Охъ...

Но Юша, кончивъ счеты, уткнулся носомъ въ стѣнку дивана, и не отвѣчаетъ. Маленькій ночникъ

горитъ желтымъ, отвратительнымъ пламенемъ. Съ трудомъ поднимается Задонскій, идетъ невѣрными дрожащими ногами къ ведру со льдомъ, падаетъ, встаетъ, снова идетъ, собираетъ ледъ по кусочкамъ и глотаетъ ихъ съ грязью и приставшей солью и опилками.

Передъ смертью странныя мысли приходили ему въ голову. Опять вспоминался младшій братъ, умершій въ чахоткѣ, котораго онъ, забавляясь, билъ по щекамъ: всѣ двери, сколько ихъ ни было въ квартирѣ, скрипѣли безъ конца днемъ и ночью... Чудилось, что при отпѣваніи дьячекъ молится: Господи, помилуй раба Твоего Келейко, а Юша и —скій стоятъ и хохочутъ... Рыжий веснучатый актеръ суетъ руку за деньгами и шаритъ въ комодѣ, гдѣ грязное бѣлье... И всѣ видятъ, что у него дырявое скверное бѣлье, и осуждаютъ его... Одна маленькая сгорбленная старушка стоитъ одиноко въ сторонѣ, и онъ никакъ не можетъ вспомнить кто она...

Двѣ мухи, что жужжали на платформѣ, влипаются въ его глаза и проникаютъ въ мозгъ... И уже никакъ нельзя ихъ переманить на нѣмцевъ. Кто-то душитъ его... Большой паукъ спускается съ потолка все ниже и ниже, прямо въ ротъ...

— Я, кажется, бредилъ? скво... сквоз... хочеть кто-то сказать за него внутри, но уже настаетъ темнота и холодъ...

Юшѣ снилось, что высокій, мускулистый офицеръ, котораго онъ очень боится, стоитъ передъ нимъ и рѣзко говоритъ:

— Вы оскорбили честь полка: наступили мнѣ на мозоль. Дуэль! Дуэль!..

Онъ проснулся. Свѣтало. Было такое впечатлѣніе, какъ будто изъ комнаты что-то вынесли, и она странно опустѣла... Мѣшочекъ посмотрѣлъ въ уголъ, гдѣ лежалъ Задонскій, и увидѣлъ, что большой бурый паукъ ползаетъ по его глазу, и рѣшницы не двигаются... Тогда Юша понялъ, что случилось, что напрасно онъ не вѣрилъ Задонскому. У Юши стучали зубы. Онъ натягивалъ сапоги, падая правой ногой въ лѣвый сапогъ, и безмысленно шепталъ:

— Сто... сквознякъ... ско... взнякъ!..

Осипъ Дымовъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Прага. Спѣшу сообщить объ огромномъ успѣхѣ, которымъ пользуется въ Национальномъ театрѣ «Власть тьмы» г. Л. Н. Толстого, которую въ первый разъ играли въ пятницу 13 (26) октября. Впечатлѣніе, произведенное драмой Толстого на публику — потрясающее, и такого оживленного вечера давно не помнятъ наши театралы. Исполнителями были: г-жа Лаудова въ роли Анисы, очень хороша, особенно въ III. и V. дѣйствіи; г. Шама въ роли мужика Петра, типично загримированный, съ большимъ чувствомъ игралъ г. Воянъ Никиту. Г-жа Данцорова (въ роли Матрены), г-жа Гибнерова (Акулина) и г-жа Гилберзова (Анютка) создали художественные образы, особенно г-жа Гибнерова, игравшая Акулину съ такимъ тонкимъ искусствомъ, что привела публику въ восторгъ. «Власть тьмы» хотѣли поставить еще 20 лѣтъ назадъ, но тогда ее запретилъ «интендантъ» театра, а только теперь удалось получить разрѣшеніе. Изъ русскихъ пьесъ пойдетъ въ Национальномъ театрѣ еще А. П. Чехова «Дядя Ваня», — готовится на ноябрь или декабрь. Вообще, пьесы А. П. Чехова играютъ теперь съ большимъ усердіемъ, «Чайку» играютъ на многихъ провинціальныхъ сценахъ «Дядю

Ваню» будутъ играть въ городскомъ театрѣ въ Пильзенѣ, «Ивановъ» вѣроятно пойдетъ на сценѣ театра въ г. Млада Волеславъ. Пьесу Делъера «Преступленіе и наказаніе» принялъ уже театръ барона Шванды. Пьеса пойдетъ, вѣроятно, сейчасъ послѣ Нового года. Въ городскомъ театрѣ въ Пильзенѣ пойдетъ, вѣроятно, еще пьеса Нотовича «Похожденія М-ра Пиквика» и «Непогрѣшимый» Невѣжина.

Чешская музыка потеряла одного изъ лучшихъ композиторовъ г. Рихарда-Фибиса, оперы котораго пользовались у насъ большой симпатіей. Последняя его опера «Pád Arcony» только что готовилась на сценѣ Национальнаго театра. Фибисъ былъ очень талантливый и своеобразный композиторъ. Онъ скончался въ полномъ разцвѣтѣ физическихъ и душевныхъ силъ.

Учрежденіе чешскаго театра въ Прагѣ близится къ осуществленію. Собираются уже акціонеры, которые думаютъ не позже, какъ весной 1901 года, начать постройку зданія для большого народнаго театра. Городъ Прага дастъ даромъ мѣсто для театра, въ серединѣ городского сада. Говорятъ, что бывшая дирекція Национальнаго театра намѣрена вложить свой капиталъ (около 70,000 руб.) въ этотъ проектъ.

Dr. Bor. Prusik.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ОДЕССА. Наконецъ-то въ Городскомъ театрѣ началась энергическая работа. Н. Н. Соловцовъ, которому городъ сдалъ театръ безъ конкурса, рѣшилъ сломить равнодушіе одесской публики, встрѣтившее его на первыхъ порахъ его антрепренерской дѣятельности. Мѣстныя газеты, рабобѣнствующіе предъ новымъ антрепренеромъ, объясняютъ матеріальный неуспѣхъ драмы некультурностью одесситовъ и полнымъ отсутствіемъ любви ихъ къ отечественной драмѣ. Но едва ли это такъ. Во всякомъ случаѣ мы вѣримъ въ антрепренерскій талантъ г. Соловцова, въ его опытъ, въ знаніе дѣла, которому онъ посвятилъ свои силы, и думаемъ, что равнодушіе публики не охладитъ его, а, напротивъ, вызоветъ съ его стороны усиленные труды. Трудиться есть надъ чѣмъ, и о многомъ надо позаботиться. Большія затраты на обстановку, сдѣланныя г. Соловцовымъ, усиленные подготовительныя работы, приглашеніе еще одного опытнаго режиссера г. Шмитова — все это подтверждаетъ, что борьба съ равнодушіемъ публики будетъ вестись серьезно.

Постановка всей «трилогіи» А. К. Толстого въ послѣдовательномъ ея порядкѣ, несомнѣнно, является крупнымъ событіемъ въ нашей театральной жизни. Трилогія шла 3-го, 4-го и 5-го Октября. Первая часть трилогіи «Смерть Іоанна Грознаго» прошла при полномъ сборѣ. Роль Іоанна исполнилъ г. Соловцовъ. Хотя артисту въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостаетъ темперамента, экспрессіи и глубокаго драматизма, но зато нѣкоторыя частности хорошо и детально отдѣлано. Удачнѣйшими мѣстами въ его исполненіи можно считать сцену отреченія, сцену въ покояхъ царицы и сцену смерти. Изъ другихъ исполнителей отмѣтимъ г. Недѣлина въ роли польскаго посла. Роль проведена имъ очень хорошо. Г. Скуратовъ въ роли Ивана Васильевича Шуйскаго мѣшалъ молодой, звучный голосъ его, находящійся въ полномъ несоотвѣтствіи со старческой наружностью изображаемаго лица. Слѣдующимъ спектаклемъ шла вторая часть трилогіи «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ», съ г. Багровымъ въ заглавной роли. Пьеса эта не представляетъ интереса новизны для одесситовъ, такъ какъ они хорошо съ ней знакомы по постановкѣ ея гастролировавшей здѣсь петербургской труппы, съ г. Орленевымъ во главѣ. Тѣмъ не менѣе, театръ былъ почти полонъ. Исполненіе этой роли г. Багровымъ нельзя считать вполне удачнымъ. Артистъ не въ силахъ передать всѣ разнообразныя проявленія характера царя Ѳеодора. Такъ, артистъ охарактеризовалъ его физическую немощь, его умственную слабость, но на всемъ протяжении этой роли не замѣтно ни одного момента, гдѣ Ѳеодоръ-Багровъ проявлялъ бы царское величіе его души, его благостность. Впрочемъ, fecit, quod potuit.

Самой трудной частью трилогіи для исполнителей оказалась послѣдняя. «Царь Борисъ» не представляетъ законченной, цѣльной драмы, скорѣе, это рядъ драматическихъ сценъ. Главный герой — Борисъ Годуновъ не очерченъ такими яркими штрихами, какъ Іоаннъ и Ѳеодоръ. Г. Шуваловъ, исполнявшій

въ всей «трилогіи» роль Бориса, провель ее очень хорошо. Пьеса прошла со стройным ансамблемъ. Хорошо былъ г. Нелѣлинъ въ небольшой но характерной роли Сапѣги. Г-жа Инсарова и г. Смоляковъ хорошо сыграли роли дѣтей Годунова. Наилучшей сценой въ ихъ исполненіи была сцена съ Христіаномъ, когда они заключаютъ между собою «вѣчный союзъ», сцена прошла, что называется, безъ сучка и задоринки. Слаба г-жа Корсакова въ роли Марѣи. Вся «трилогія» обставлена роскошью. Декораціи, костюмы, аксесуары сдѣланные новые и исторически вѣрны. Народныя сцены проходить чрезвычайно жизненно. Послѣ сцены на берегу Яузы г. Соловцова вызывали много разъ и наградили единодушными аплодисментами.

С. В-скій.

РОСТОВЪ на ДОНУ. 24 сентябрю начались оперные спектакли въ Асмоловскомъ театрѣ. Репертуаръ — эклектичскій. Верди и Чайковскій, Меерберъ и Рубинштейнъ, Глинка и Римскій-Корсаковъ, а in spe — Вагнеръ. Составъ труппы также эклектичскій: опытные исполнители наряду съ только начавшими свою артистическую карьеру, изъ которыхъ нѣкоторые доморожденные таланты, ученики и ученицы мѣстнаго «маэстро» Е. К. Рядновъ. Г-жа Сушкова-Бѣлоусова — хорошая исполнительница въ вокальномъ и сценическомъ отношеніяхъ; много вкуса и изящества эта пѣвица вноситъ въ каждую исполненную ею партію. Г-жа Брунъ — рѣдкое совмѣщеніе свѣжести и полной обработки голоса съ музыкальностью и сценическимъ дарованіемъ. Г-жа Селюкъ-Рознатовская средняя величина во всѣхъ отношеніяхъ. Г-жа Кравецъ полезная артистка, но, къ сожалѣнію, иногда берется за партіи, немного низкія для ея голоса (напримѣръ, княгини въ «Русалкѣ»). Г-жа Каренина звучное контральто, еще не тронутое, благодарная внѣшность, но видна неопытность и не всегда безукоризненная интонація. Г-жа Никитская — недурная вокальная средства, но не достаетъ задушевенности исполненія, необходимой для лирическихъ партій; впрочемъ, эта пѣвица изъ начинающихъ, и не имѣетъ сценическаго опыта. Послѣдняго недостаетъ и г-жѣ Голикиной, обладающей хорошимъ голосомъ. Г. Агулинъ рѣдкій типъ артистическаго раздвоенія; то онъ пѣвецъ со вкусомъ, съ мягкимъ тембромъ голоса и особой задушевною, то какой-то робкій, неуверенный въ себѣ новичекъ. Очень жаль, такъ какъ г. Агулинъ поэтъ (въ минуты увѣренности въ себѣ) чисто и красиво. Г. Трубинъ красивый и довольно высокій basso-cantante; опытный исполнитель въ сценическомъ отношеніи; иногда несомнѣнно твердо знаетъ нотный текстъ, что является главнымъ пятномъ. Отличное впечатлѣніе оставляетъ въ вокальномъ и сценическомъ отношеніи г. Сангурскій. Начиная свой сценическую карьеру г. Полуяновъ поетъ съ большимъ чувствомъ; замѣтна нѣкоторая неопытность. Г. Сокольскій обладаетъ баритономъ, звучащимъ вполне хорошо въ верхнемъ регистрѣ но нѣсколько тусклою серединой. Тепло и со вкусомъ поетъ г. Михайловъ-Стоянъ, но хорошъ только въ тѣхъ партіяхъ, гдѣ не требуется голоса.

Что касается хора и оркестра, то въ началѣ сезона замѣчались разногласія, но теперь все улажено. Сборы средніе, и можно надѣяться, что г. Салтыковъ, если не возьметъ большой прибыли, то, во всякомъ случаѣ, не будетъ имѣть дефицита, тѣмъ болѣе, что на его счастье ростовская публика, если не считать пустующаго скверненькаго цирка-балагана какого-то Злобина и расчитаннаго особый контингентъ публики увеселительнаго сада «Пале-де-Кристалъ», имѣетъ единственное развлеченіе оперу. Конечно, драма въ Нахичевани могла-бы привлечь и ростовскую публику, если-бы во главѣ ея стояли опытные лица. Я уже писалъ о крахѣ. Анчаровскій сезонъ, начавшійся «Безъ вины виноватыми», закончился; въ результатѣ — безъ вины виноватые актеры и актрисы, которыхъ снова собралъ воедино Е. А. Бѣляевъ и, заручившись расположеніемъ городской думы и мѣстной печати, открылъ «бѣляевскій» періодъ нахичеванской театральнаго исторіи. Театръ сланъ бесплатно до конца сезона; расходы по освѣщенію, отопленію и найму рабочихъ приняты городомъ за свой счетъ; всѣ арендные статьи, кромѣ буфета, отданы тому-же Бѣляеву. Новый сезонъ, второй по счету, открылся «Грозой», встрѣченной холодно публикой и восторженно мѣстной печатью, рекламирующей новаго антрепренера urbi et orbi. Далѣе слѣдовала драма «Въ новой семьѣ», показавшая публикѣ, что на сценѣ не «новая семья» талантливыхъ исполнителей, а старая труппа, неимѣвшая успѣха.

Юбилей А. К. Толстого вспомнила только мѣстная печать. Забыло о немъ и мѣстное артистическое общество, у котораго всегда хромалъ театральныи отдѣлъ.

С. Ч.

САРАТОВЪ. Поставлены двѣ новинки: «Преступленіе и наказаніе» и «Буреломъ». Первая пьеса прошла уже четыре раза, «Буреломъ» — два раза. Передѣлка романа Достоевскаго, собственно, уже знакома нашей публикѣ по гастролямъ г. Орленева, но тогда, лѣтомъ, она вилась въ неприглядномъ видѣ; за исключеніемъ г. Орленева и, главнымъ образомъ г. К. Яковлева, никто изъ исполнителей не понравился. Теперь, на сценѣ городского театра пьеса идетъ, такъ сказать, концертно. Если г. Судьбининъ въ Порфиріи Петровичѣ

уступаетъ г. Яковлеву, то все же не заслуживаетъ серьезной укоризны: Яковлевъ превосходенъ, и Судьбининъ хорошъ. Зато все остальное прекрасно, а у заѣзжей труппы было плохо. Гг. Терехова, Агарева, Петица и Смирновъ создаютъ живые образы Сони, Дуни, Свидригайлова и Разумихина. Нѣсколько ниже достоинствомъ вышла игра г. Неронова въ Мармеладовѣ. Наконецъ, г. Михайловичъ-Дольскій въ Раскольниковѣ даетъ цѣльную фигуру. Тонъ болѣе выдержанный и нѣтъ той склонности къ эффектнымъ переходамъ отъ шопота къ крику и обратно, какую проявилъ передъ нами г. Орленевъ. Вообще, пьеса идетъ такъ, что г. Дельеръ могъ бы пожелать ей вездѣ и всегда «саратовскаго» успѣха.

Нельзя того же сказать объ исполненіи другой новинки — «Буреломъ». Г. Федоровъ, напротивъ, вправѣ бы огорчиться саратовской постановкой. Потому-ли, что артисты утомились разучиваніемъ новыхъ ролей, или оттого, что не сочли нужнымъ отнестись къ «Бурелому» съ должнымъ вниманіемъ, а фактъ на лицо: играли довольно вяло и сильно подъ суфлера. Я говорю о первомъ представленіи, второго не видѣлъ. Оно достаткѣ вниманія слѣдуетъ пожалѣть. Въ «Буреломѣ» есть много промаховъ, замѣтна сценическая неопытность автора, но все-таки пьеса несомнѣнно интересна. Если хвалить, то приходится только за гримъ: типичное лицо сдѣлали себѣ гг. Петица (Гумазовъ), Наумовскій (Килевейнъ), Неждановъ (Мамоновъ), Соловьевъ 2-й (Песковъ). Не сомнѣваюсь, что всѣ эти артисты, какъ и нѣкоторые другіе, могли бы сдѣлать изъ «Буреломъ» вещь жизненную и совсѣмъ не пустяковинную; пьеса г. Федорова этого заслуживаетъ. Одна г-жа Миронова не затягивала темпа. Она хорошо сыграла Нильскую, хотъ и можно бы кое-что пожелать...

Первое представленіе «Буреломъ» было бенефисомъ г-жи Мироновой. Серія «именинъ» началась съ г. Мих.-Дольскаго, который поставилъ «Ложь» г-жи Дубельтъ. Затѣмъ отпраздновалъ «именины» г. Робертъ Адельгеймъ и, конечно, вещь героической — «Киномъ», съ прибавкою двухъ водевилей. Всѣ три праздника прошли, какъ подобаетъ, шумно и весело: были вѣнки, цвѣты и цвѣтные билетки съ привѣтствіями.

Материальный успѣхъ товарищества очень хорошій, а въ дальнѣйшемъ, когда дождливый сезонъ уступитъ мѣсто зимнему, будетъ еще лучше. Но какая сумма придется на долю каждаго товарища — это вопросъ другой. Уже очень велики расходы.

На дняхъ впервые ставится «Накипь» П. Д. Боборыкина. Какъ пройдетъ пьеса — не замедлю сообщить. Къ сожалѣнію, къ сорокалѣтію почтеннаго писателя, кажется, отнесутся безучастно.

Постоманій.

ВЛАДИКАВКАЗЪ. Своды выдержали, грузъ въ пятьсотъ пудовъ снятъ, обвала «больше» не будетъ, коммисія удалась. Архитекторъ г. Грозманъ можетъ съ спокойной совѣстью сказать, что если-бы не его заботливость, то ремонтъ театра окончился бы «не позднѣе» великаго поста.

Итакъ, 1-го октября открылись двери городского театра. Для открытія была поставлена драма «Свѣтитъ, да не грѣбѣтъ», въ заключеніе: «Школьная пара». Пьеса была разыграна гладко и съ ансамблемъ, водевилъ прошелъ при непрерывномъ хотѣ. Труппа, очевидно, понравилась. Театръ былъ переполненъ мѣстной интеллигенціей, побоялись приставныхъ мѣста. Нельзя обойти молчаніемъ оркестръ Терскаго полка, который, подъ управленіемъ г. Кочина, идетъ замѣчательно стройно. Театръ, многіе годы представлявшій авгвевы конюшни, благодаря энергіи и средствамъ антрепренерши г. Аничковой-Ивановой вычищенъ, покрашенъ и производитъ пріятное впечатлѣніе. Составъ труппы: А. А. Кускова — героиня и грандъ-кокетъ; В. О. Иванова — драматическая; В. Л. Казина — драматическая энжениу; Н. И. Булычевцева — драм. и комич. старуха; А. Ф. Попова — комич. энжениу и водеvilная съ пѣніемъ; Е. Ф. Лазарева — грандъ-дама; В. П. Пахалова, З. М. Сафонова — энжениу; М. С. Марченко — баянныя роли; М. А. Чернявская, М. В. Богданова — 2-я роли. Мужской персоналъ: А. Н. Правдинъ — герой-любовникъ; Н. А. Вронскій — фатъ-любовникъ; А. Д. Лавровъ-Орловскій — резонеръ; А. Л. Печоринъ-Цандеръ — комикъ-буффъ; Н. И. Померанцевъ — комикъ-резонеръ; С. А. Алексинъ — любовникъ-простакъ; В. П. Полторацкій — простакъ; К. Ф. Бергъ — 2-й комикъ; Н. Ф. Оксогоорскій, Г. С. Пушкаревъ — 2-я роли. Режиссеры: гг. А. Д. Лавровъ-Орловскій, Н. И. Померанцевъ, В. Ф. Аничкова-Иванова; помощникъ режиссера — М. Я. Поповъ; суфлеръ — Ф. П. Петровъ; декораторъ-художникъ — Н. И. Григорьевъ; режизиторъ и бутафоръ — Г. Менабени. У любителей «выборы» ажитація, волненія и проч. и проч. На дняхъ у нихъ шла комедія «Дежные тузы». Надо отдать справедливость гг. любителямъ, что у нихъ любовь къ искусству выражается не въ усиленной конкуренціи и въ дни спектаклей труппы они своихъ спектаклей не ставятъ.

Азъ.

КОСТРОМА. 29 сентября открылся сезонъ нашего театра. Первымъ спектаклемъ шла «Казнь», вторымъ — «Бѣшенныя деньги», затѣмъ «Цыганка Занда», «Девятый валъ» и «Заза». Г-жа Токарева, выступившая въ роли Кетъ, не дала типа кафе-штантанной пѣвицы. Артистка весь вечеръ «играла».

Роль Луниной («Девятый валъ») нельзя считать также удач-

ной въ репертуарѣ артистки. Роль Глушарина («Казнь»), исполняя г. Тихановъ. Непрерывное знаніе роли, излишняя позировка въ драматическихъ мѣстахъ, вотъ недостатки его исполненія. Роль Телятева г. Тихановъ провѣлъ довольно вѣрно. Въ «Цыганкѣ Зандѣ» незначительная роль отца въ исполненіи артиста вышла совершенно безвѣстной. Въ «Девятомъ вальсѣ» роль Эбруса проведена г. Тихановымъ ровно, но роль очень незначительна.

Сокольскій очень слабый актеръ. Въ роли Викентія Львовича онъ былъ похожъ на рабитаго параличемъ. Г. Мартыновъ, исполнившій роль Годды, произвелъ сильное впечатлѣніе на публику. Роль велъ горячо; голосъ его звучалъ нѣжно. Роли Юнеля («Цыганка Занда») и Ступина («Девятый вальс») артистъ игралъ небрежно. Г. Новиковъ опытный артистъ. Нельзя не упрекнуть его въ излишней утрированкѣ грима. Фроловъ («Казнь»), Кучумовъ («Бѣшенныя деньги»), вышли очень живыми въ исполненіи артиста.

Мнѣ хотѣлось-бы остановиться подробнѣе на исполненіи г. Абрамовымъ роли Байкова («Девятый вальс»). Рѣдко мнѣ приходилось видѣть такое исполненіе на провинціальныхъ сценахъ. Осмысленная игра, обдуманная движенія, жесты... Съ перваго-же выхода артиста, зритель увидалъ добраго, слабого человѣка. Я видѣлъ его духовный міръ, видѣлъ его муки. Сколько простой, неподдѣльной искренности вложилъ артистъ въ исполненіе этой роли!

Г-жа Барканова, исполнившая роль Раечки («Девятый вальс»), артистка средней руки. Играетъ довольно просто, ансамбля не портитъ, и только. Для г-жи Назимовой была поставлена «Заза». Красивая внѣшность, дорогіе наряды, вотъ, если хотите, краткія характеристики артистки. Роль Заза артистка играла неправильно. Въ ея толкованіи, любовь Заза къ Дюфрену была лишь капризомъ. Въ первомъ актѣ артистка была лучше. Здѣсь нѣтъ надобности въ нервному подъѣмѣ, а потому артистка ведетъ первый актъ легко. Но зато въ послѣдующихъ актахъ она далека отъ той Заза, которую хотѣли изобразить авторы пьесы. Возьму для примѣра 2-й актъ, сцену съ Симонъ. «Ребенокъ? У тебя будетъ ребенокъ? и ты поэтому плачешь?.. Такое счастье? Ахъ, если-бы я была на ея мѣстѣ... Ребенокъ?..» Артистка эту сцену вела съ какой-то дѣтской наивностью. Пойду дальше. Сцены того-же дѣйствія съ Каскаромъ. Она также растаяла въ общемъ легкомъ тонѣ. Роль Заза требуетъ много темперамента, а его то и нѣтъ у г-жи Назимовой. Хотя въ зрительномъ залѣ очень усердно хохотали и вызывали артистку, но мы знаемъ цѣну англо-дисментовъ, да еще провинціальной публики. Исполненіе артисткой роли Лидіи («Бѣшенныя деньги») было недурно.

Объ остальныхъ артистахъ не стоить распространяться. Скажу развѣ нѣсколько словъ о Савельевѣ. Недурень онъ былъ въ «Бѣшеныхъ деньгахъ» игралъ слугу Василькова. Въ изловчихъ онъ, видимо, рассчитываетъ на дешевый эффектъ.

Влечеславъ — снѣй

КОЗЛОВЪ. Сезонъ открылся 24 сентября «Женитьбой Бѣлугина». До сихъ поръ труппа ведетъ еще старый заигранный репертуаръ, а потому и сборы въ общемъ около 200 руб. на кругъ. Изъ артистовъ пользуются симпатіями публики г. Лестичъ, г-жа Кудрявцева, г. Бредовъ (только какъ салонный любовникъ) и г. Коничъ — серьезный комикъ. Пьесы ставятся довольно тщательно. Подробности до слѣдующей корреспонденции.

В. Ч—нъ.

СМОЛЕНСКЪ. Въ Смоленскѣ закончились спектакли русско-малорусскаго товарищества подъ управленіемъ г. Суслова. Товарищество ставило на сценѣ благороднаго собранія русскія оперетки («Гейша», «Корневильскіе колокола», «Продавецъ птицъ», «Новые цыганскіе романсы») малорусскія драмы и даже «сенсационные» фарсы. Публика охотно посѣщала спектакли и, въ общемъ, сборы были недурные. Въ особенности хорошіе сборы дала «Гейша», поставленная 4 раза и «Новые цыганскіе романсы» (3 раза). Изъ артистовъ, большимъ успѣхомъ пользовалась г-жа Зарницкая, — даровитая малорусская артистка, затѣмъ имѣли успѣхъ г-жа Чарновская и гг. Левицкій и Сусловъ. Изъ Смоленска товарищество отправилось въ Москву, гдѣ въ настоящее время даетъ спектакли въ театрѣ «Акваріумъ». За исключеніемъ спектаклей въ театрѣ народнаго дома, въ Смоленскѣ нѣтъ теперь никакихъ развлеченій и скучающіе смоляне ждутъ, не заждутъ ли къ нимъ какая нибудь путешествующая по Россіи труппа. Залъ благороднаго собранія охотно отдается артистамъ. Т.

ПСКОВЪ. Зимніе спектакли въ залѣ Музык. Драм. Общества начались 1-го октября. Прошли съ успѣхомъ: «Лѣсъ» «Не въ деньгахъ счастье», «Послѣдняя воля». Намѣченный репертуаръ: «Горнозаводчикъ», «Клубъ холостяковъ», «Компаньоны», «Демонъ» и др.

Составъ труппы: г-жи Генбачева (героиня), Корчагина (ingenue comique и воевъ, съ пѣніемъ), Гравина (ing. драмат.), Озерова (grande-dame), Климовская (комич. и драм. старух.), Рамина (2-я старуха) и гг. Брагинъ (драм. герой), Александровскій (комич. и характ. резонеръ), Озеровъ (др. резон. и быст. роли), Яковлевъ-Чумаковъ (быт. роли), Генбачевъ-Долинъ (простаки), Морской, Кукуевъ и Осокинъ (2-я роли). Режиссеръ труппы, служащей по контракту съ Драмат. общ. — В. В.

Александровскій, Осокинъ — его помощникъ, Муравлевъ — суфлеръ.

Спектакли ставятся и исполняются старательно, но сборы, пока, неудовлетворительные.

Изъ исполнителей выдѣлились успѣхомъ г-жи Генбачева, какъ героиня, Корчагина, молодая, съ комической жилкой исполнительница и Климовская, а изъ мужского персонала Александровскій, Брагинъ и Озеровъ.

На-дняхъ (21 октября) въ г. Псковъ попытка счастья явилась труппа актеровъ подъ управл. С. А. Трефилова (антреприза Ф. Т. Фаниной). Первый спектакль («Преступл. и Наказ.» по ром. Дост.) прошелъ, въ театрѣ, приналежащемъ Качену, при неособенно успѣшномъ сборѣ. Положительно невозможны были декорации. Общій успѣхъ выпалъ на долю г-жи Фаниной (Соня), Хмѣльницкаго (Раскольниковъ) и Трефилова. Труппа эта остается еще на одинъ спектакль («Буреломъ»).

Ф. П.

ХАРЬКОВЪ. Если отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ, то отъ психопатизма нашихъ «театраловъ» до тупости и глупости еще меньше.

Впродолженіе чуть ли не двухъ недѣль проявлялись грубый, неприличныя выходки по отношенію къ новымъ артистамъ и артисткамъ. А между тѣмъ, труппа г-жи Люковой въ этомъ сезонѣ и по качеству, и по количеству выше прошлагоднихъ. Всѣ работаютъ по мѣрѣ силъ, и «спортсмены» по части учиненій скандаловъ почувствовали наконецъ-то угрозу совѣсти...

Г-жа Юрьева роли въ «Цѣнѣ жизни», «Закалѣ», «Новомъ дѣлѣ», «Полусвѣтѣ» и др. правдиво задумала и хорошо работала. Лучшая роль въ репертуарѣ г-жи Юрьевой — роль Кручининовой въ «Уголѣ Москвы». Желалъ бы я видѣть въ игрѣ г-жи Юрьевой столько же сердца, сколько въ ней ума. Роль Мерци надо было отдать г-жѣ Днѣпровой, болѣе подходящей къ такъ называемымъ «святымъ» ролямъ, но, съ другой стороны, г-жѣ Днѣпровой въ роли Настасьи Филипповны слѣдуетъ чередоваться съ г-жей Юрьевой, которая и по темпераменту, и по внѣшности болѣе поясняетъ слова: «вотъ такъ королева!» и всѣ жертвы, на которыя готовъ Рогожинъ. Въ сотый разъ повторяю, что г-жа Днѣпронна актриса даровитая, но, избалованная успѣхомъ у «верховъ», и далеко не всегда находится на высотѣ задачи.

Успѣхомъ начинаетъ пользоваться г. Добровольскій, какъ въ роляхъ любовниковъ («Полусвѣтъ»), такъ и молодыхъ фатовъ (Дульчинъ, Жоржъ Градищевъ). Большимъ подспорьемъ молодому артисту служатъ благодарная сценическая внѣшность и разработанный сильный голосъ. Вторично исполненіи Чайскій снялъ единоклассные англодисменты среди акта, послѣ монологовъ: «А судьи кто?», «Не образумлюсь»... Въ минусъ г. Добровольскому поставимъ однообразный гримъ и нѣкоторую монотонность («Ошибки молодости»). Г. Петровскій — прекрасный характерный артистъ, большой художникъ въ смыслѣ освѣщенія ролей и грима. Г. Людвиговъ уступаетъ нѣкоторые свои роли совершенно напрасно. Таковы роли Перона, Рогожина и друг. Неронъ исторически не вѣренъ въ исполненіи г. Петровскаго, а для Рогожина у г. Ленковскаго чувствуется недостатокъ въ голосовыхъ средствахъ. По этой же причинѣ и «Маркъ» не совсѣмъ удовлетворилъ меня. Въ другихъ роляхъ, русскихъ, бытовыхъ въ особенности, г. Ленковскій прекрасенъ. Большимъ успѣхомъ пользуется г. Глюксен-Добровольскій. Его генералъ Иволгинъ-шедевръ. Г. Діевскій долженъ еще много работать, чтобы сдѣлать что нибудь изъ Карандышева, Морского, Вово и др. Г-ну Бѣжину не совсѣмъ везетъ въ этомъ сезонѣ, и репертуаръ для него сложился неудачно. Г. Песоцкій играетъ съ неизвѣстнымъ успѣхомъ. Г-жа Мартынова по прежнему оживляетъ сцену.

Хорошая артистка на роли пожилыхъ grandes dames — г-жа Бѣльская. Загѣмъ выдвигаются къ чести режиссера г-жи Чаруская и Галицкая и гг. Простовъ и Невѣринъ. Г. Долинъ хорошо игралъ въ «Новомъ мірѣ» и въ «Злобѣ дѣла». Г-жа Турчанинова со временемъ сдѣлается хорошей актрисой; пока въ ней слишкомъ много «любительскаго» элемента, и слишкомъ мало искренности и простоты. О г-жѣ Блюменталь-Тамариной я уже писалъ. Г-жа Свободина-Барышева не потеряетъ кредита, если не будетъ играть молодыхъ героинь, вродѣ Вероники въ «Новомъ мірѣ». Г-жѣ Козминой не слѣдуетъ такъ сладко, манерно разговаривать. Бенефисы начинаются 24-го октября: г. Людвиговъ («Предѣлы»), г. Добровольскій («Эрнани»), г-жа Юрьева («Вторая жена»). Оперетка гг. Ахматова и Левицкаго взяла за первые двѣ недѣли 10000 р. Оперетка г. Левицкаго отличается извѣстною стройностью хорошихъ и богатой обстановкой. Жаль только, что комики на рукахъ ходятъ и готовы пшеницу глотать, лишь бы смѣшно да весело было. Образумить ихъ, быть можетъ, г. Брянскій, появившійся недавно въ «Али-баба». Хорошій комикъ-резонеръ г. Донской. Солисты гг. Кубанскій, Чабанъ и г-жи Смолина и Бауэръ пользуются успѣхомъ. Въ опереткѣ имѣется еще, если вѣрить афишамъ, балетъ, а по нашему — просто скакуны.

А. П. Буровъ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

пьесъ безусловно дозволенныхъ къ представлѣнію по 1 сент. 1900 г.

- 11) Дивчина-атаманъ банды разбійниковъ. Москва 1900 года.
- 12) Добродѣтельный Веніаминъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе В. Корнеліевой (сюжетъ заимствованъ). (По печатному изданію и по отдѣльнымъ оттискамъ журнала «Театръ и Искусство»). Типографія с.-петербургскаго товарищества «Трудъ». С.-Петербургъ 1900 года.
- 13) Докторъ правъ въ юбкѣ (summa cum laude) (съ нѣмецкаго) А. А. Львова. Москва 1900 года.
- 14) Долли. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ Генриха Христіернсона. Переводъ В. М. Саблина. (По печатному изданію и по отдѣльнымъ оттискамъ журнала «Театръ и Искусство»). Типографія с.-петербургскаго товарищества «Трудъ». С.-Петербургъ 1900 года.
- 15) Дочка запорожца XVII вѣку. Москва 1900 года.
- 16) Духи шалятъ. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ Ив. Гр. Ярона. Москва 1900 года.
- 17) Дѣйствіе 2-е, явленіе 6-е. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Л. Л. Печорина-Цанлера. Москва 1900 года.
- 18) Дѣло случая. Комедія-шутка въ одномъ дѣйствіи Н. Ермилова. С.-Петербургъ 1901 года.
- 19) За сыротою Богъ въ калытоу. Москва 1900 года.
- 20) Зеленый какаду (der grüne Kakadu). Гротескъ (Dramolletta) въ одномъ актѣ. Сочиненіе Артура Шнитцлера. Переводъ М. М. Рѣзуновъ. Приложение къ журналу «Театръ и Искусство» 1900, № 22. Типографія с.-петербургскаго товарищества «Трудъ». С.-Петербургъ 1900 года. (По печатному изданію).
- 21) Лицемѣры. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ англійскаго Н. Мировичъ. Москва 1900 года.
- 22) Лоренвачіо. Драма въ пяти дѣйствіяхъ по А. Мюссе Н. О. Арбенина. Москва 1900 года.
- 23) Менестрель. Драматическія сцены въ одномъ дѣйствіи О. Чожиной. (По печатному изданію и по отдѣльнымъ оттискамъ журнала «Театръ и Искусство»). Типографія с.-петербургскаго товарищества «Трудъ». С.-Петербургъ 1900 года.
- 24) Мой идеалъ. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ, съ французскаго А. С. Полонскаго. Москва 1900 года.

25) Ненависть. Драма въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ. Сочиненіе Викторьена Сарду. Переводъ К. П. Ларина. Москва 1899 года.

26) Образцовый мужъ. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ, съ французскаго А. С. Полонскаго. Москва 1900 года.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ,

съ 30-го октября по 6-е ноября 1900 г.

Александринскій театръ. 30-го октября: «Накипь». 31-го: «Буреломъ». 1-го ноября: «Моцартъ и Сальери», «Гартюфъ». 2-го: «Буреломъ». 3-го: Спектакль въ память столѣтней годовщины со дня рожденія П. С. Мочалова «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», сцена изъ драмы Коцебу; «Козарство и любовь», сцена изъ трагедіи Шиллера; «Павелъ Степановичъ Мочаловъ въ провинціи», вод. Д. Ленскаго; «Живая картина»; и «Апофеозъ». 5-го. Утро: Повтореніе юбилейнаго спектакля въ память артиста П. С. Мочалова. Вечеръ: «Накипь».

Михайловскій театръ. 30-го октября: «Татьяна Рѣпина». 31-го: «Les deux orphelines». 1-го ноября: «Школьные товарищи». 2-го: «Les deux orphelines». 3-го: «Au printemps», «Les maris de Léontine». 4-го: Benefice de m^r Delorme, «Pot-bouille». 5-го: «Волки и овцы».

Маринскій театръ. 30-го октября: «Богема». 31-го: Бенефисъ хора «Евгеній Онѣгинъ». 1-го ноября: «Тангейзеръ». 2-го: «Евгеній Онѣгинъ». 3-го: «Карменъ». 5-го. Утро: «Опричникъ». Вечеръ: «Эсмеральда».

Почтовый ящикъ.

РИГА. В. Для «неприкосновенности» необходимо придерживаться строго объективной формы. Просимъ быть умереннѣе.

ТУЛА. Мейсеровой. Въ журналѣ дважды было объявлено, что неправильно перенумерованы страницы. Пьеса-же «Преступленіе и Наказаніе» послана цѣликомъ. Прочтите пьесу, и вы убѣдитесь въ этомъ.

Редакторъ А. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Для ослабѣвшихъ, одержимыхъ кашлемъ мальць-экстрактъ и леденцы фабрики

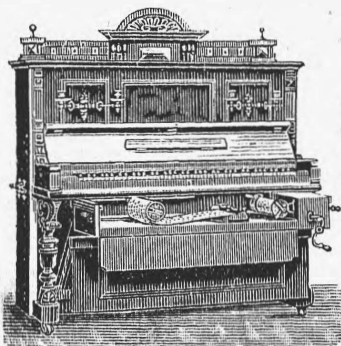
„ДЕЛИВА“

въ Варшавѣ, ул. Згода, № 5. Существ. съ 1884 г.

Продаются въ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

№ 2304. 11—12.

САМОИГРАЮЩІЯ
ПІАНИНО

Можно играть, какъ на обыкновенномъ піанино, а также отлично исполняютъ различныя пьесы и танцы или **верченіемъ ручки** (стоящія 600, 650, 750, 850 р.), или **электрической силой** (въ 850 и 1,050 руб.). Ноты по 2 р. 25 к. и дороже. Списокъ бесплатно.

Механическій таперъ

приставляется къ каждому роялю или піанино и при верченіи ручки исполняетъ различныя пьесы и танцы. Цѣна 175 р. Ноты по 2 р. 25 к. и дороже.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

С.-Петербургъ, Б. Морская, 34, Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

№ 2311. 5—9.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу новая комедія въ 4 д.

„ЗА РАМПОЙ“.

(„ТЯЖЕЛЫЙ ПУТЬ“). В. 4—на.

Выписывать можно отъ автора.

г. Козловъ. В. П. Чиликину.

Ц. 60 к.

Съ посылкой наложеннымъ платежомъ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

извѣстная драма В. САРДУ.

„Флорія Тоска“.

Репертуаръ Сары Вернаръ. Переводъ О. Н. Латернера, Литографированное изданіе журнала „Театръ и Искусство“.

Цѣна 2 рубля.

„БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ“.

Драматическія сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ и 8-ми картинахъ (по роману Ф. М. Достоевскаго)

К. Дмитриева.

Цѣна 2 руб.

Изданіе редакціи журнала „Театръ и Искусство“.

3 выпуска словаря 1 р. 50 коп.

Высылаются наложеннымъ платежомъ.

„ТЕАТРЪ ПЕТЕРБУРГСКІЙ“

(бывшій Немецки, Офицерская ул., № 39).

Дирекція Е. А. Шабельской.

РЕПЕРТУАРЪ. Съ 29-го Октября по 5-е Ноября 1900 г.

Воскресенье, 29-го Октября: Вѣй, др. сказка въ 6 карт. изъ разсказа Гоголя, перед. Шабельской.

Понедѣльникъ, 30-го: Рабыни веселья, ком. въ 4 д. В. Протопопова.

Вторникъ, 31-го: Рабыни веселья, ком. въ 4 д. В. Протопопова.

Среда, 1-го Ноября: Вѣй, др. сказка въ 6 карт. изъ разсказа Гоголя, перед. Шабельской.

Четвергъ, 2-го: Рабыни веселья, ком. въ 4 д. В. Протопопова.

Пятница, 3-го: Рабыни веселья, ком. въ 4 д. В. Протопопова.

Суббота, 4-го: Вѣй, др. сказка въ 6 карт. изъ разсказа Гоголя, перед. Шабельской.

Театръ „ФАРСЪ“

(бывш. Панаевскій у Дворцоваго моста).

Дирекція А. М. Горинъ-Горайновъ и В. А. Казанскій.

Понедѣльникъ, 30-го Ноября. Бенефисъ А. Д. КАМЕНСКАГО:

- 1) „ШАМПИНЬОЛЬ ПОНЕВОЛЪ“, фарсъ въ 3 д.
- 2) „ЛЕВЪ ГУРЬИЧЪ СИНИЧКИНЪ“, комедія въ 5 дѣйств.

РОЗОВОЕ ХРУСТАЛЬНОЕ МЫЛО № 4711

Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества
ФЕД. МЮЛЬГЕНСЪ

КОЛОКОЛЬНАЯ № 4711 ВЪ КЕЛЬНѢ И РИГѢ

Высокое содержаніе глицерина, экономія въ употребленіи, обильная пѣна,
нѣжный запахъ розы
вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.

2315. 6—2.

ПОЗНАТЬ САМОГО СЕБЯ
Извѣстный психо-графологъ И. Ф. Моргенштернъ
прибылъ въ С.-Петербургъ и остановился по
Малой Итальянской ул., въ д. № 1, кв. 9.

ДѢЛАЕТЪ АНАЛИЗЫ ПО ПОЧЕРКУ.
Принимаетъ желающихъ распознать себя, свое
призваніе, свои силы и опредѣлять темпера-
ментъ, мѣровозмѣреніе, способности, наклонности и
вообще весь нравственный строй человѣка. Же-
лающие могутъ послать почеркъ по почте съ
приложеніемъ платы. Ответы даются черезъ три
дня. Приемъ отъ часу дня до 6 часовъ вечера.
Приглашенія же на домъ принимаются только
вечеромъ по соглашенію.

№ 2288.

Остерегаться поддѣлокъ!

ДѢТСКОЕ РОМАШКОВОЕ МЫЛО

Лабораторія А. ЭНГЛУНДЪ.

Нейтральное мыло, не содержащее въ себѣ эфирныхъ маселъ. — Рекомендуются какъ туалетное мыло для ежедневнаго употребленія.

Цѣна 30 коп. за кусокъ, съ пересылкою 4
куса 1 руб. 50 коп.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ
прошу обратить вниманіе на подписи:
А. Энглундъ, красными чернилами и марку
С.-Петербургской Косметической Лабо-
раторіи. Получать можно: Въ Русскомъ
Обществѣ Торговли Аптекарами това-
рами, Казанская, № 12. — Центральное
Аптекарское Депо, Невскій № 27. — Нев-
скій Аптекарскій Магазинъ, Невскій № 49.
— Г. Кошкинъ, Гостинный Дворъ № 19.

Главный складъ для всей Россіи:
А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайлов-
ская площ. № 2.

№ 2318. 30—6.

КРЕМЪ АМИКОСЪ (CRÈME AMYCOS).

Новый кремъ, составленный по указаніямъ специа-
листовъ, придаетъ и сохраняетъ свѣжій и здоровый цвѣтъ лица, уни-
чтожаетъ веснушки, пятна, загаръ и красоту лица.

Кремъ Аминосъ необходимъ для сохраненія надолго красоты лица.

Цѣна банки 1 р. 25 к.; въ Европейскую Россію высылаются 2 банки
за 3 р. 50 к. Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ
магазинахъ Россіи.

Оптовая торговля у изобрѣтателей.

Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“ С.-Петер-
бургъ, Разъѣзжая, № 13. № 3322. 30—3.

МЫ МОЛЧАЛИ.

РОМАНСЪ.

Слова А. Федорова.

Музыка Н. М. Кнорозовскаго.

„МЫ МОЛЧАЛИ“

Слова А. ФЕДОРОВА.

Муз. П. М. КЮРОЗОВСКАГО.

Sostenuto tranquillo.
p mezza voce

КАНТО.

Мы мол - ча - ли, За насъ го - во - ря - ла

Sostenuto tranquillo.
p

ПИАНО.

dolce

Э - той но - чи про - ро - че - ской тишь.

dolce *pp*

Намъ лу - на такъ по - нят - но свѣ - ти ли такъ лю -

pp *p* *cresc.*

cresc.

фед. *

Бов - но шо - пталъ намъ ка - мышь. Такъ ды -

ша - ли намъ лан - ды - ши! страст - но. такъ ро - са о - кроп - ля - ла тра -

ну, что дро - ман - ше - е нѣсрд - ик но но - но намъ ка -

cresc. *mf più e più*

ва - ло - ся - сномъ нв я - ву. и вавол -

animato *f* *patetico ff*

ах, лан-ный вост-пе-ю дрожь ю Ста-рый

садъ на об-ры-вѣ рѣ-ки сы-паль съ-яблонь, какъ снѣгъ, намъ къ под-

ножь-ю се-ре-бристыхъ цвѣтовъ лепест-ки.